

ОЧЕРКИ О Б.Н. ЧИЧЕРИНЕ

Представленные материалы подготовлены П.Г. Щедровицким в рамках проекта «Философия России XX века». Они служат для ознакомления с творчеством философа и для популяризации его работ. Еще одной задачей является сбор редких сведений о мыслителе и анализ малоизвестных тем его творчества.

Все материалы опубликованы на официальной странице П.Г. Щедровицкого в фейсбуке: <https://www.facebook.com/petr.shchedrovitskiy>

А также на официальной странице проекта ВКонтакте: <https://vk.com/rusphilosophy>

В конце каждого очерка дается ссылка на соответствующий пост в фейсбуке, где, ко всему прочему, часто можно найти дискуссии по теме.

При цитировании или использовании материала упоминание источника обязательно. Все права защищены ©

Официальная страница проекта «Философия России XX века»: <https://shchedrovitskiy.com/>

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК.....	4
ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ.....	7
ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ.....	10
УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ. Ч.1.....	13
УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ. Ч.2.....	16
ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ. Ч.1.....	19
ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ. Ч.2.....	22
ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ЛИБЕРАЛИЗМА. Ч.1.....	25
ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ЛИБЕРАЛИЗМА. Ч.2.....	28
КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ. Ч.1.....	31
КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ. Ч.2.....	34
МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ. Ч.1.....	37
МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ. Ч.2.....	40
МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ. Ч.3.....	43
КАПИТАЛИЗМ. Ч.1.....	46
КАПИТАЛИЗМ. Ч.2.....	49
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИИ.....	52
КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.1.....	55
КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.2.....	58
КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.3.....	61
КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.4.....	64
ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.1.....	67
ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.2.....	70
ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.3.....	73
ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.4.....	76
ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.5.....	79
ВОСПОМИНАНИЯ СТРУВЕ.....	82
ВОСПОМИНАНИЯ О СЛАВЯНОФИЛАХ.....	85

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

«Отличительное свойство русского ума состоит в отсутствии понятия о границах. Можно подумать, что все необъятное пространство нашего отечества отпечаталось у нас в мозгу»

Б.Н. Чичерин

Борис Николаевич Чичерин родился 7 июня 1828 года в селе Караул Тамбовской губернии. Детство прошло в тамбовском имении отца Караул, приобретённом в 1837 году. Получил домашнее образование. Среди учителей был К. Н. Бестужев-Рюмин.

В 1845—1849 годах — студент юридического факультета Московского университета; среди преподавателей были Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин. Большое влияние на формирование взглядов Чичерина оказал Т. Н. Грановский, с которым его познакомил старый друг отца писатель Н. Ф. Павлов[3]. Недолгое увлечение славянофильством сменилось сближением с западничеством.

В конце 1840-х — начале 1850-х гг. познакомился с П. В. Анненковым, А. И. Герценом, К. Д. Кавелиным, И. С. Тургеневым. Изучал работы Гегеля; испытал значительное влияние идей французских политических мыслителей. По окончании университета жил в родовом селе.

В 1853 году представил к защите магистерскую диссертацию «Областные учреждения России в XVII веке», которая была отклонена с заключением, что в ней в ложном свете представлена деятельность старой администрации России. Диссертация была защищена лишь в 1857 году после некоторого ослабления цензуры.

В 1858—1861 годах Чичерин совершил заграничное путешествие, во время которого познакомился с европейскими политическими учениями. В 1858 году в Лондоне встречается с А. И. Герценом, который опубликовал «Современные задачи русской жизни» Чичерина в «Голосах из России». Чичерин имел в русском обществе уже в ранние свои годы репутацию консерватора. Был приглашен в учителя к наследнику при Александре II: с 1863 года до смерти цесаревича Николая Александровича в 1865 году, преподавал ему государственное право.

Во время путешествия в свите наследника престола в 1865 году, в Риме, он познакомился с Алексеем Васильевичем Капнистом и его старшей дочерью Александрой, спустя 6 лет, 25 апреля 1871 года, ставшей его женой: венчание состоялось в церкви мученицы Татьяны московского университета.

В 1861—1867 годах Чичерин — экстраординарный профессор Московского университета по кафедре государственного права; в своей фундаментальной работе «О народном представительстве» (докторская диссертация Чичерина была опубликована в 1866 г. и переиздана в 1899 г.) впервые в русской юридической литературе проследил развитие институтов парламентаризма у европейских народов.

В конце 1871 года был избран в совет директоров Тамбово-Саратовской железной дороги.

В сентябре 1883 года Московская городская дума сделала Б. Н. Чичерина почетным гражданином Москвы «за труды его на пользу Московского городского общества в звании Московского городского Головы».

Вернувшись в Караул, Чичерин вновь занялся научной деятельностью, написал ряд работ по философии, а также по химии и биологии, которые дали основание Д. И. Менделееву рекомендовать Чичерина к избранию почетным членом Русского физико-химического общества. Чичерин принимает деятельное и плодотворное участие в работах тамбовского земства.

В 1888—1894 годах работал над «Воспоминаниями», значительная часть которых посвящена Москве и Московскому университету 1840-х годов.

Умер 16 февраля 1904 года в селе Караул.

Твердо и неуступчиво защищая права личности, Чичерин связывал с этим идею «порядка» — он очень сознательно стоял за твёрдую власть, решительно и резко осуждал все проявления революционного духа. Это отталкивало от Чичерина русское общество и, наоборот, делало его ценным в глазах правительства. Но репутация консерватора, очень рано сложившаяся относительно Чичерина, была лишь отчасти верна: как не случайны были у Чичерина резкие осуждения революционного движения, так же не случайно было и то, что он явился в Московском университете лидером (тогда немногочисленной) группы либеральных профессоров.

Чичерин — представитель и один из основателей (наряду с С. М. Соловьёвым и К. Д. Кавелиным) «государственной школы» в русской историографии. В своей магистерской диссертации «История областных учреждений Московского государства XVIII века» и в ряде других работ («Опыты по истории русского права», «Очерки Англии и Франции» (обе — 1858)) обосновывал решающую роль государства в русской истории. Оценка исторического значения государства в существенной мере соответствовала принципам гегелевской философии истории. В то же время Чичерин был сторонником либерализации общественной жизни в России: выступал за отмену крепостного права, считал необходимым введение представительных форм правления, ратовал за расширение и гарантии гражданских свобод всех сословий и каждого человека.

В духе гегельянства он считал, что Абсолют направляет процесс развития мира и человечества. При этом человеческая свобода сохраняет своё значение, так как человек изначально причастен к Абсолюту, будучи одновременно конечным и бесконечным существом. «Абсолютность» и «бесконечность» человека определяются в первую очередь его разумом как формой абсолютного духа. «Верховной наукой», постигающей смысл происходящего в мире, оказывается, согласно Чичерину, метафизика истории. В историческом процессе философ-метафизик обнаруживает логику развития идей, поэтому особое значение среди исторических дисциплин имеет история человеческой мысли, история философии.

Основные труды:

- «Областные учреждения России в XVII веке» (1856)
- «Опыты по истории русского права» (1858)
- «Очерки Англии и Франции» (1858)
- «О народном представительстве» (1866)
- «История политических учений» (1869-1902)
- «Курс государственной науки. В 3 томах» (1894-1898)
- «Философия права» (1900)

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1021419277944969>

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

«Я убежден, что кто не усвоил вполне Логики Гегеля, тот никогда, не будет философом»

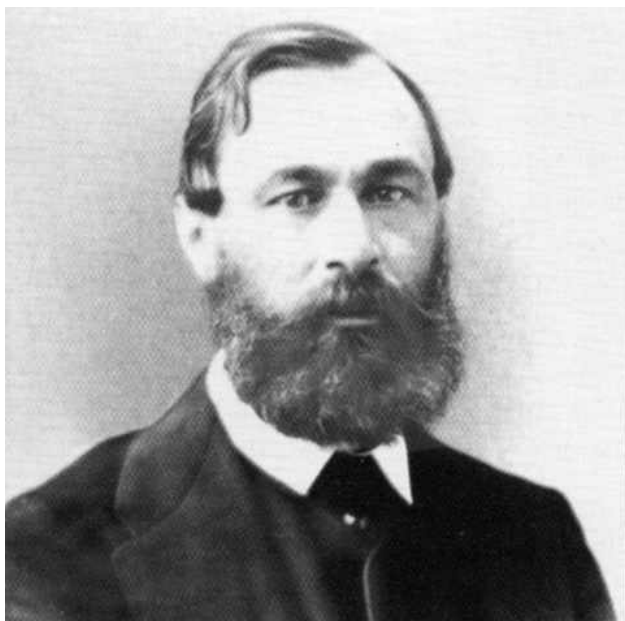
Б.Н. Чичерин

Творческий путь Б.Н. Чичерина был очень разнообразным. Мыслитель прошел от религиозного мировоззрения к гегельянству, а затем – и к консервативному либерализму. Современники оценивали Чичерина как государственника и консерватора, однако его деятельность в Московском университете свидетельствует о том, что он был сторонником свободы личности. В «Истории русской философии» В.В. Зеньковский отмечает, что современники не поняли Чичерина, и это непонимание оставило печать на последующих интерпретациях его творчества. Зеньковский пишет:

*«Чичерин очень рано познакомился с сочинениями Гегеля, который его пленил совершенно. Хотя впоследствии он очень значительно отошел от Гегеля (кн. С. Трубецкой справедливо однажды заметил, что Чичерин «больше расходится с Гегелем, чем сам это предполагает»), но по существу он остался на всю жизнь гегельянцем, внося, правда, в гегельянство ряд очень существенных поправок. Он однажды (уже в поздние годы) написал такие слова: «Я убежден, что кто не усвоил вполне Логики Гегеля, тот никогда, не будет философом». В первое время Чичерин склонялся к «крайним направлениям», как он пишет, но довольно скоро он совершенно отошел от социально-политического радикализма. «Я разочаровался, – пишет он тут же, – в жизненной силе демократии и в творческом значении социализма». Отойдя от радикализма, Чичерин раз навсегда определил свой путь в своеобразном сочетании либерализма и консерватизма. Прежде всего, Чичерин явил в русской историософии и политической доктрине чистейший и редкий у нас тип защитника свободы личности *quand*. Как ни трудно развить в пределах гегельянства основы персонализма, но Чичерин здесь ближе к Канту и Фихте, чем к Гегелю.*

Вся антропология Чичерина строится на признании того, что в человеке есть «абсолютное начало» – и из метафизики человека вытекает для него абсолютное значение нравственного начала в человеке... Система либерализма была у Чичерина глубоко связана с учением об абсолютной ценности личности. Но твердо и неуступчиво защищая права личности, Чичерин связывал с этим идею «порядка» – он очень сознательно стоял за твердую власть, решительно и резко осуждал все проявления революционного духа. Это отталкивало от Чичерина русское общество и, наоборот, делало его ценным в глазах правительства. Письма Чичерина к брату, служившему в Петербурге, докладывались Александру II, настолько их ценили консервативные круги, группировавшиеся тогда вокруг молодого царя. Не случайно поэтому было приглашение Чичерина, только что получившего кафедру в Московском университете, в преподаватели наследника Николая Александровича (старшего сына Александра II, скончавшегося очень рано, вследствие чего наследником, а позже царем стал второй сын Александра II – Александр III). Но репутация консерватора, очень рано сложившаяся относительно Чичерина, была, конечно, лишь отчасти верна: как не случайны были у Чичерина резкие осуждения революционного движения, так же не случайно было и то, что он явился в Московском университете лидером (тогда немногочисленной) группы либеральных профессоров. Победа его противников привела к тому, что Чичерин бросил профессуру...

Когда позже он был избран городским головой Москвы, ему пришлось приветствовать на коронации Александра III, и его речь, очень лояльная, но все же намекавшая на ценность конституционных учреждений, вызвала своей неожиданностью целую суматоху – и Чичерину пришлось покинуть свой пост... В сущности Чичерин всегда был верен себе – и в своем консерватизме, и в своем либерализме, но именно эта стойкость основных убеждений плохо гармонировала с беспокойной и напряженной общественной жизнью его времени. В этом отношении очень интересны и типичны слова Кавелина в одном письме его к Чичерину. Когда-то близкие друг к другу люди, даже друзья (Кавелин был в студенческие годы Чичерина его профессором), они потом разошлись очень резко – любопытно, кстати, что Чичерин очень скорбел об этом расхождении, тогда как Кавелин, наоборот, был склонен к тому, чтобы заострять конфликт... Так вот, в одном письме к Чичерину Кавелин пишет: «Куда вам, олимпийцу, собеседнику вечного...».

Внутреннее равновесие, спокойствие, уравновешенность Чичерина всегда оставляли у современников впечатление какого-то бесстрастия и бесчувственности, но на самом деле, как это особенно видно по «Воспоминаниям», натура у Чичерина была горячая, пламенная. Он умел глубоко и даже страстно чувствовать, но внутренняя уравновешенность постоянно как бы закрывала эти движения души. Поэтому его постоянно не понимали или понимали превратно. Любопытно сопоставить две характеристики Чичерина – одна принадлежит кн. Евгению Трубецкому, другая – проф. Московской Духовной академии П.В. Тихомирову. Вот что

пишет кн. Е. Трубецкой: «Образ Б.Н. Чичерина на всю жизнь врезался у меня, как олицетворение совершенного и исключительного душевного благородства... Он не терпел никаких амальгам, не был способен ни к каким уступкам, соглашениям и компромиссам». Любопытно, впрочем, то внутреннее противоречие, которое кн. Е. Трубецкой констатирует в Чичерине: «Он верил, что все существующее разумно, а, с другой стороны, в силу непримиримо отрицательного отношения к современности, все в ней казалось ему сплошным безумием и бессмыслицей... Он производил впечатление, что для него мировой разум был весь в прошлом». Последние слова очень удачно выражают впечатление, которое и ныне остается при чтении произведений Чичерина.

А вот проф. П.В. Тихомиров в статье, посвященной разбору книги Чичерина «Основания логики и метафизики», постоянно ставит ему в упрек «дурную манеру произносить огульные и совершенно немотивированные приговоры». Суровое осуждение Тихомировым манеры изложения у Чичерина особенно подчеркивает его «несправедливое и претенциозное отношение к взглядам других мыслителей». Такой чуткий и глубокий человек, как П.Б. Струве, однажды, в пылу полемики, употребил выражение о «литературной окаменелости» у Чичерина ... Прав был поэтому кн. Е. Трубецкой, когда он писал, что жизнь Чичерина – «необыкновенно грустная страница из истории русской культуры... Чичерин пришелся не ко двору в России и был выброшен жизнью за борт, потому что был слишком кристальный, гранитный и цельный человек».

Да, Чичерина у нас не поняли и не оценили, и это связано вовсе не с его устарелым гегельянством (ведь «устарелое» гегельянство прорвалось еще раз с чрезвычайной силой позже – в русском неомарксизме), а с каким-то глубоким психологическим расхождением между Чичериным и русским обществом. Кн. Е. Трубецкой – об этом он превосходно рассказал в своих «Воспоминаниях» – имел очень много личного контакта с Чичериным, и это дало ему возможность заглянуть глубже в его внутренний мир, но те, кто не имел такого личного контакта, даже не подозревали, что за его ровным, ясным, спокойным изложением стоит не только чистая мысль, но глубокое и горячее чувство. Лишь в «Воспоминаниях» Чичерина раскрывается этот внутренний мир – и с первого взгляда кажется даже, что, может быть, прав Н.Н. Алексеев, когда строит гипотезу «о существовании как бы двух чичеринских философий – одной книжной, надуманной, гегельянской, другой – жизненной, непосредственной, созданной на основе собственного внутреннего опыта». Но Н.Н. Алексеев все же неправ— достаточно, например, заглянуть для этого в религиозный мир Чичерина».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1022053601214870>

ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ

«Человек обречен стремиться к непостижимому»

Б.Н. Чичерин

Философские и научные интересы Б.Н. Чичерина многообразны. Хорошее резюме его взглядов представил В.В. Зеньковский в «Истории русской философии». Приводим выдержки оттуда:

«Чичерин – очень последовательный и настойчивый рационалист, но его рационализм, конечно, не докантовский и даже не кантовский, а всецело определяется послекантовским трансцендентализмом. «Умозрение», которое есть, по выражению Чичерина, «основание всей философии», есть не что иное, как «самодетельность чистого разума». Никакого «сверхчувственного опыта» не может быть, – между тем «наш разум создан для познания абсолютного». Эта направленность разума на абсолютное, конечно, не есть ни «трансцендентальная иллюзия», как думал Кант, ни выражение «примата практического разума»: «Человек обречен стремиться к непостижимому»; «если все человеческое познание ограничивается опытом, то нет в мире более жалкого существа, нежели человек. Он обречен на безвыходное противоречие между своими стремлениями и своими средствами, между неотразимо осаждающими его задачами и невозможностью их разрешения».

Тяга к абсолютному лежит в самой природе нашего духа; даже более: собственно «настоящий предмет познания составляет само бесконечное», так как мы, прилагая законы разума к познанию явлений, в конечном ищем бесконечного. Поэтому нам не только дано стремление к Абсолютному (это признавал и Кант в своей «Трансцендентальной диалектике»), но в форме разумности, неизбежно привходящей во всякое познание. Абсолютное владеет нами. Это абсолютное начало в человеке и есть разум, думает Чичерин. Совсем точно следуя Гегелю, Чичерин полагает, что «историческое развитие человечества как раз и определяется развивающимся в нем сознанием абсолютного», т.е. философией и религией: «Здесь само абсолютное становится явлением».

До сих пор Чичерин верен Гегелю в его своеобразном развитии трансцендентального идеализма, но в дальнейшем он отступает от Гегеля. Для Чичерина «полнота» бытия Абсолюта – есть не конечный, а начальный момент. «Нельзя начинать с крайнего отвлечения чистого бытия». Первоначальное единство становится основой всего сущего или производящей причиной, оно есть «субстанция». Чичерин, таким образом, возвращается к признанию трансцендентности Абсолюта и в этом решительно и глубоко расходится с Гегелем. Не берусь окончательно судить, но все же склонен утверждать, что в этом разрыве с Гегелем ключ к нему лежит не в том изменении диалектического закона, которое развивает Чичерин, а наоборот – из признания трансцендентности Абсолюта неизбежно следовала необходимость преодолеть диалектическую схему Гегеля. Иначе говоря, исходный трансцендентализм Чичерина переходит у него затем в трансцендентизм, а затем уже из-за этого пришлось переделать основную схему диалектического процесса. Мы к этому еще вернемся, а пока остановимся на вопросе, – каковы мотивы возвращения к трансцендентному понятию Абсолюта у Чичерина? Вне всякого сомнения – они лежат в сфере религиозной; для Чичерина религиозный имманентизм стал неприемлем. Мы уже касались религиозного перелома у Чичерина; во всех его работах чувствуются отзвуки острого чувства надмирности Бога, но особой выразительности высказывания Чичерина достигают в

книге «Наука и религия». Приведем еще раз уже знакомое нам замечательное по четкости место из «Воспоминаний» Чичерина: «Я понял, что если дух есть конечная форма абсолютного, то он есть и форма начальная – никогда не оскудевающая всемогущая сила, источник всего сущего».

Чичерин без колебаний отождествляет метафизическое понятие Абсолюта с религиозным понятием Божества. «Абсолютные начала бытия, – твердо заявляет Чичерин, – не могут быть понятны только, как отвлеченная категория» – и оттого учение об Абсолюте, как «источнике всего сущего», без затруднений переходит в религиозное учение, в учение о Творце мира и Промыслителе. В мире господствует верховный разум, то есть личный Бог»; «верховный разум есть всемирное начало»; «вся видимая вселенная представляется осененной Божественной сущностью, которая проникает ее со всех сторон и связывает ее высшими, невидимыми узами».

Чичерин не хочет идти в своих книгах дальше «философского понятия об абсолютном или Боге», но он философски защищает и учение о Троице в Боге, и учение о воскресении. «Внемирный» характер Божества, Его трансцендентность не устраняет, однако, для Чичерина его рационализма – ведь само Божество, как Абсолют, открывается нам в разуме, с другой стороны – разум движется этой обращенностью своей к Абсолютному. Вырвавшись за пределы чистого трансцендентализма в учении об Абсолютном, установив трансцендентность Абсолюта, Чичерин затем возвращается и к диалектическому принципу, и к построениям Гегеля в области философии природы. Кое-чего мы коснемся коротко, но обратимся пока к антропологии Чичерина, в которой он тоже чрезвычайно расходится с Гегелем.

«Развитие идеи абсолютного в человеческом сознании указывает на присутствие в человеке абсолютного начала», – пишет Чичерин. Это положение может вполне входить и в систему Гегеля, для которого каждая личность воплощает в себе абсолютное начало, но сама она от этого у Гегеля не становится абсолютной. Чичерин же, возвращаясь к Канту, признает не только «присутствие» абсолютного начала в человеке, но говорит о «метафизической сущности человека», о «сверхчувственной его природе». Даже более: «Значение человеческой личности, – твердо заявляет Чичерин в явном противлении Гегелю, – не ограничивается тем, что она становится органом всемирно-исторического процесса. Как носитель абсолютного начала, человек сам по себе имеет абсолютное значение». Несколькими страницами дальше Чичерин, подчеркивая субстанциональный характер индивидуальности в человеке, утверждает бессмертие человеческого духа. «Человек, даже... отрешаясь от всего земного... в этом всецелом обновлении все-таки является единичным существом... индивидуальное его существование может прекратиться только чудом»...

Как трансценденталист, Чичерин не боится утверждать, вслед за Гегелем, что «основной закон разума есть и основной закон материального мира», и так как диалектическая схема – общая для всего бытия – по Чичерину, четырехчленна, то проблема космоса оказывается у него тоже четырехчленной (пространство, сила, материя, движение). Надо принять во внимание, что Чичерин для своего времени был исключительно осведомлен в естествознании, поэтому некоторые его построения здесь действительно любопытны и заслуживают внимания. Таковы его мысли о том, что

«вселенная имеет общий центр», рецепция аристотелевского учения о душе и о «финальной причинности», остроумнейшие замечания о дарвинизме. Чрезвычайно любопытно учение об идеях, точнее о «мире идей», принадлежащих абсолютному Разуму, и о реальном смысле «мыслимых сущностей». Все это иногда лишь намечено и недостаточно аргументировано, но всегда очень хорошо укладывается в категориальные схемы...

В этике Чичерин, конечно, ближе к Канту, чем к Гегелю уже по одному тому, что признает абсолютное значение личности и учит о «метафизической сущности» человека. Поэтому и учение о свободе связано у него с этими мотивами персонализма. Смысл свободы человека – реальность чего категорически утверждается непосредственным чувством – заключается в возможности для человека «возвышаться к сознанию безусловной своей сущности и тем самым – к сознанию своей независимости от чего бы то ни было, кроме самого себя». «Человек может считаться свободным единственно вследствие того, что он носит в себе абсолютное начало». Но поскольку все абсолютное, по Чичерину, разумно – «источник» свободы все же не в самом абсолютном начале уже просто потому, что свобода «предполагает возможность уклоняться от закона» (т.е. разума). Поэтому Чичерин приходит к оригинальному объяснению свободы из того, что в человеке наличествуют «два противоположных начала – бесконечное и конечное». «Последовательный спиритуализм, – говорит тут же Чичерин, – неизбежно ведет к детерминизму, к отрицанию свободы». Лишь присутствие «низшей» природы дает возможность проявления свободы, лишь наличность чувственной стороны в человеке раскрывает тайну свободы в сверхчувственном начале в человеке».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1022531054500458>

УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ. Ч.1.

«Государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховною властью для общего блага»

Б.Н. Чичерин

Б. Н. Чичерин известен как выдающийся государствовед. Почти во всех его работах присутствует проблема государства, через призму которой он фактически рассматривал остальные вопросы. Всесторонне проблемы государства были впервые разработаны ученым в его лекционном курсе, который он читал в Московском университете с 1861 по 1868 г. В начале 80-х гг. государству была посвящена 3-я книга его сочинения «Собственность и государство». Содержащиеся там суждения были сходны с тем, что он писал в 60-е и 90-е гг. Проблема государства и непосредственно связанные с нею проблемы личности и общества освещались ученым в «Философии права» (1900 г.), а также в его известном сочинении «История политических учений». Государству отведено центральное место в исследовании русской истории. Неизменно присутствует оно и в публицистических работах ученого. Взгляды Чичерина на феномен государства рассмотрены в работе Л.М. Искры «Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории». Приводим выдержки оттуда:

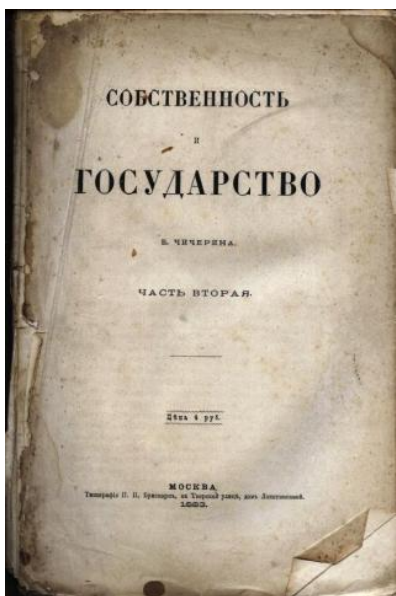
«По определению Чичерина, «государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховною властью для общего блага». Составные элементы, из которых складывается государство: власть, закон, свобода, общая цель, входят и в другие человеческие союзы: кровнородственный, гражданский, церковный и, следовательно, подчеркивал Чичерин, являются основными элементами всякого общежития, но в каждом из союзов один из этих элементов преобладает и этим определяется специфика союза. Так, в кровном союзе преобладает общая цель, в гражданском — личность с ее частными правами и интересами..., в церковном союзе — религиозно-нравственный закон, а в государстве — власть. Государство, продолжал ученый, отличается от других союзов прежде всего тем, что последние ему юридически, подчинены. Следовательно, «можно вкратце определить государство... как союз народа, живущего под верховной властью».

Однако краткие определения, привлекательные своею доступностью и выразительностью, имеют существенный недостаток: они не охватывают предмет всесторонне и могут быть превратно истолкованы. Понимая это, Чичерин тут же уточняет свою позицию. Государственное единство, писал он, создается не физиологическим происхождением, ибо люди одной национальности могут оказаться в разных государствах, не общими интересами, ибо они существуют и между государствами, имеющими постоянные торговые отношения или общих врагов. Недостаточно и единства мыслей и верований. Государственное единство создается только общей для всех властью.

Многие, продолжал он, понимают государство как учреждение, но это неверно. Есть учреждения, представляющие собой систему должностных мест и занимающих их лиц. Если государство построить по такому принципу, то оно становится над народом, а граждане превращаются в управляемых подданных, а между тем они должны быть членами государства. Подчеркнув еще раз, что государство есть союз народа, он останавливается на самом понятии народ и указывает, что оно имеет два значения этнографическое и юридическое. Этнос это совокупность людей, имеющих общее

происхождение, язык и духовное единство. Но он может входить в разные государства. «В юридическом же смысле народ... образуется именно соединением людей в государство».

Юридическое понимание слова «народ» несет, по Чичерину, двоякий смысл — народ как единство и народ как множество. В первом случае народ отождествляется с государством, ибо входит в него наряду с правительством, во втором рассматривается как совокупность граждан, подчиняющихся правительству. Но, подчеркивал Чичерин, подчинение не абсолютно, ибо у граждан, как у свободных лиц, есть права, вплоть до права участия в верховной власти.

Другими словами, по Чичерину, человек в государстве и управляемый, и соуправитель. Соуправление выражается в участии в выборах, а если есть соответствующие способности, то непосредственным участием. Нарушение этой двойственности ведет либо к тирании, либо к анархии...

Наряду с народом и правительственными учреждениями к неотъемлемым элементам государства Чичерин относил также территорию и общий закон. Юридический закон, писал он, определяет права и обязанности граждан. И повиновение последним властям, и их свобода основаны не на произволе, а на законе. Он определяет устройство и компетенцию властей, «ибо власть может повелевать только во имя законного права». Закон же «связывает народ в единое юридическое целое».

Дав определение государству, Чичерин в дальнейших своих рассуждениях вносит дополнения: государство — это единый союз, постоянный, самостоятельный, имеющий национальную специфику. Единый союз характерен для унитарных государств. Здесь наличествуют единое юридическое тело, единая цель и единая верховная власть. В сложных, т. е. федеративных и конфедеративных, государствах власть распределяется между целым и частями. Постоянство союза заключается в том, что государство при всех изменениях не меняет своей сути. Самостоятельность государственного союза это опять-таки особенность унитарной державы. В сложных же государствах образуются полусамостоятельные образования. И, наконец, в любом государстве выражаются национальные особенности ее народа. В этом смысле «государство есть организованное отечество».

Ключевым элементом государства Чичерин считал верховную власть. Определяя ее сущность, он писал, что «власть есть воля, имеющая право повелевать». Обратим внимание на терминологию, она очень характерна. Наиболее общее определение власти — это управление. Чичерин неоднократно употреблял его. Но термин «управление» несет много оттенков. Управление может быть мягкое, а то и слабое — это когда речь идет о направлении или координации. Жесткое управление — приказное. Это повеление. Именно им Чичерин наделял власть, не забывая подчеркнуть, что повелевать можно только в рамках закона.

Рассуждая о целях государства, ученый первой назвал осуществление безопасности. Эта цель, по Чичерину, носит чисто отрицательный характер и выражается в применении силы против правонарушителей. Поскольку зло устраняется

только насилем, постольку власть и государство «не что иное, как неизбежное зло, установленное для избежания зла еще большего. Если бы все люди были добродетельны, то государства были бы вовсе не нужны... Софизм... в том, что отрицание зла не есть зло, а добро. Насилие только тогда есть зло, когда оно является нарушением права... Частному лицу воспрещается самоуправство, ибо оно не может быть судьей собственного права, но в обществе необходим орган, охраняющий и восстанавливающий право, и таковым является государство».

Люди покоряются государственной власти не только потому, что она обладает силой, но и по нравственным соображениям. Высшей целью государства является общее благо, и во имя его оно и требует подчинения частных интересов общественному. Человек же вне общества и государства не может осуществить свои личные цели, но соединение в общество требует отказа от части притязаний. В результате, поступаясь эгоистическими инстинктами, человек совершает нравственный поступок. Однако вслед за Гегелем, полагавшим, что государственные законы не распространяются на убеждения, Чичерин писал, что покушаться на внутренний мир нельзя и нравственными являются только продиктованные совестью поступки. Принудительная же нравственность — безнравственна. Воздействовать на совесть может только церковь. «Государство же имеет целью исполнение нравственного закона, насколько он осуществляется в общественной жизни. Нравственный закон исполняется установлением прочного законного порядка и справедливых норм жизни». Конечно, есть немало примеров, когда государство только прикрывается общим благом и высасывает все соки из граждан, но такое государство, по Чичерину, безнравственно и обречено на гибель».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1023193474434216>

УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ. Ч.2.

«Чем меньше единства в обществе, тем больше должно быть единства в государстве»

Б.Н. Чичерин

Представляют интерес взгляды Б.Н. Чичерина на соотношение прав личности и права государства на вмешательство в личную жизнь. Чичерин был убежден, что государственные интересы, будучи выражением интересов большинства, по определению выше индивидуальных. Однако, замечает русский мыслитель, не всякое государство может требовать от человека подчинения и самопожертвования. Такое требование справедливо лишь в том случае, если государство является в глазах граждан выражением национальных интересов. Если же государство антинародно, то обязанность граждан состоит в его смещении. Интересен также тезис Чичерина о том, что цель государства заключается в гармоничном сочетании свободы и порядка, и разные государственные образования делают это по-разному, в зависимости от ментальности и культурного наследия народа. Более подробно эта тема рассматривается в работе Л.М. Искры «Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории». Приводим выдержки оттуда:

«Одним из самых злободневных вопросов является сейчас вопрос о правах человека. Широко распространена идея о том, что право личности выше права государства и народа. Чичерин же думал иначе и подчеркивал, что при необходимости государство имеет право требовать от граждан самопожертвования. Крайние индивидуалисты, писал он, полагали, что человек живет только для себя. Но если бы это было так, то он остался бы на низшей ступени развития. Только служение другим пробуждает и развивает высшие способности. Крайние индивидуалисты допускают свободные объединения, вроде товариществ, но человек всесторонне проявит себя, лишь являясь членом союза, воплощающего в себе высшие цели, т. е. государства. Оно олицетворяет идею отечества, которое «для человека дороже, нежели те мелкие гражданские союзы, к которым он примыкает, как-то сословия и общины». Но не всякое государство вызывает к себе возвышенные мысли. Если его роль свести до роли полицейского, как желают индивидуалисты, то за него добровольно умирать никто не будет, ибо благоговение перед полицией невозможно. Только государство, которое в глазах граждан является выражением национальных интересов, вправе требовать самоотверженного служения. Государственные же беззакония оправдывают народные восстания.

На наш взгляд, интересы отечества, безусловно, выше интересов самой гениальной личности. Что же касается государства, то оно является организованным отечеством только тогда, когда действует в национальных интересах. Если же оно проводит антинациональный курс, причем речь идет не об отдельных ошибках, пусть и многочисленных и тяжелых, а о системе, то оно антинародно и содействие ему есть измена, а восстание — долг перед отечеством.

Несовпадение реальной власти с идеалом неизбежно. Учитывая это, Чичерин считал, что сокращение разрыва осуществляется постепенно в ходе исторического процесса. Подчеркивая, например, что цель государства — гармоническое сочетание порядка и свободы, он писал, что осуществить на практике эту гармонию непросто. Каждый народ решает ее по-своему и в соответствии со своими особенностями выдвигает на первый план то порядок, то свободу. Более того, даже один народ в разную эпоху поступает по-разному в зависимости от степени развития и практической потребности данного времени. Велика роль объективных условий и национальных особенностей. Так, огражденная морем от вражеских вторжений Англия и в еще большей степени США могли обходиться без мощного государственного аппарата. Большое значение имела высокая самостоятельность англичан и американцев, а чем предприимчивее народ, тем ограниченнее деятельность его государства. Поэтому, подчеркивал Чичерин, делать из Англии или США идеал для других стран нельзя. Более того, даже там, при всей нелюбви населения к государственному вмешательству, практическая необходимость последних десятилетий вызвала расширение государственной сферы. Это наблюдение соответствовало действительности. Данные суждения сходны и с высказываниями Гегеля о том, что каждый народ имеет соответствующее именно ему государственное устройство.

Высоко оценивая деловитость американцев, Чичерин полагал, что она имеет и обратную сторону, порождая преобладание материальных стремлений над духовными. Отсюда довольно низкий умственный и нравственный уровень американцев, что сказывается и на политической области.

Как уже было сказано, основная цель государства, по Чичерину, общее благо. Она состоит из специальных целей, первой из которых является обеспечение безопасности. Вторая заключается в «определении и охране свободы и прав лица». Наконец, свобода в государстве подчинена нравственному порядку, а его осуществление составляет еще одну цель государства.

Наибольшее влияние на государственное устройство оказывает, по Чичерину, общественный строй. Представление о роли последнего он заимствовал у Л. Штейна. По Штейну, писал ученый, каждый общественный строй стремится создать соответствующий ему политический порядок. Конкретно же влияние общества на государство проявляется в стремлении господствующих классов к преобладанию в последнем. Такое стремление, считал Чичерин, отвечает государственным потребностям, ибо предоставляет власть наиболее образованным и зажиточным. Вместе с тем государство устанавливает предел преобладания и происходит это потому, что, в отличие от общества, оно подчинено принципу единства. Общество же, напротив, стремится к разнообразию. Его элементы живут для себя, и если их не ввести в определенные рамки, то государства не будет. В свое время Гегель писал, что распространенное представление о том, что государство держится на силе, неверно, в действительности основой является присущее всем чувство порядка.

Вслед за ним и Чичерин подчеркивал, что стремление к единству, рождающее государство, имеет не материальную, а духовную природу. Люди соединяются в государство и подчиняются власти во имя высших потребностей: свободы, правды, порядка и т. д. Государственное единство связывает людей всех поколений, и такая связь может быть только духовной. Таким образом, государство является воплощением высшей идеи и именно это делает его священным в глазах граждан. Конечно, преувеличение духовной сущности государства у Чичерина имеется,

но несомненно, что она действительно есть. Без нее государство было бы просто машиной. А между тем даже самые жестокие режимы пользовались поддержкой не только господствующего класса, но и достаточно широких слоев населения. Объяснить это страхом по меньшей мере наивно. Вспомним крепостных, громивших захватчиков в 1812 г. Они сражались не только за отечество, но и за царя, который был в их глазах воплощением государства.

Конечно, отечество выше государства, ибо оно категория вечная и неизменная, а государство меняется от эпохи к эпохе и далеко не всегда вызывает симпатии. Однако тезис Чичерина о том, что государство — это организованное отечество, обоснован...

Государство, продолжал ученый, не только восполняет недостатки общественного строя, но и преобразует его в соответствии со своими требованиями. Неизбежная социальная борьба разделяет общество. Поэтому необходима независимая сила, не допускающая перерастания этой борьбы в войну. Ею и является государство. Удерживает оно не только силой, ибо тогда единство было бы внешним, но и обеспечением социальной справедливости. При своем появлении государство опирается прежде всего на сильнейшие классы, подчиняя им остальные. Подобное положение сохраняется и при упадке государственности и разложении общественного порядка. Но отличительным свойством государства является представительство всех общественных интересов. Реализуя его, окрепшее государство сохраняет господствующее положение элиты и ограждает низших от притеснений высших. Чем независимее государство от общества, тем более оно стремится защищать слабых».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1024928024260761>

ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ. Ч.1.

«Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин полагал, что наиболее приемлемой формой правления для России является конституционная монархия. При этом он ратовал за либерализацию режима. Русский мыслитель выделял три типа либерализма: уличный, оппозиционный и охранительный. Первый тип характеризуется отсутствием позитивной программы и близок к анархизму. Для второго типа также характерен негативизм, саморефлексия как чего-то отличного от господствующей идеологии, принципиальная оппозиционность. Третий тип либерализма, согласно Чичерину, является наиболее продуктивным, поскольку сочетает в себе позитивную свободу и государственность, он примиряет начало свободы с началом власти и закона. Эта тема рассматривается в статье Е.А. Фроловой «Политико-правовое учение Б.Н. Чичерина». Приводим выдержки оттуда:

«Через призму прав и свобод личности Чичерин анализировал различные образы правления. Каждый народ, по его мнению, в своей истории не ограничен раз навсегда установленной какой-либо одной формой политической власти. С изменением жизненных условий видоизменяются и формы государства. Чичерин исследовал абсолютизм, аристократию, демократию, конституционную монархию, условия их возникновения, развития и падения.

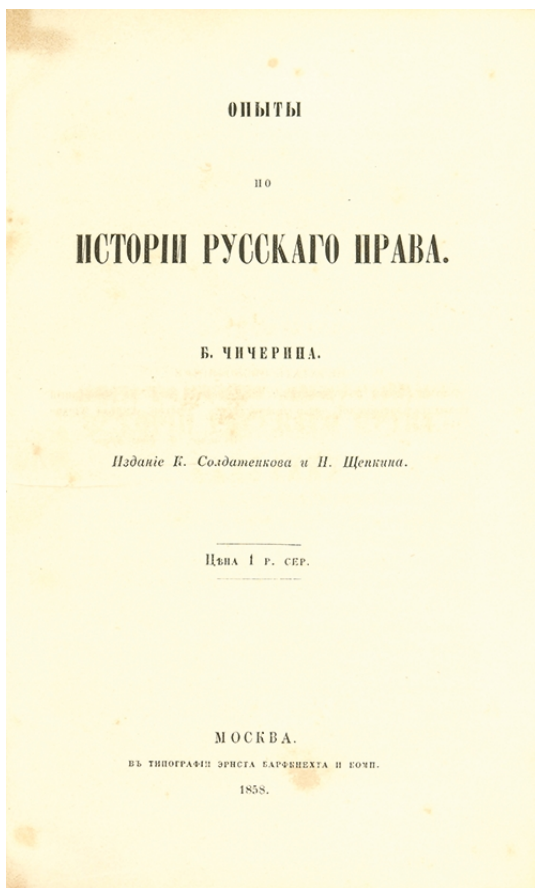
Высшей стадией развития идеи государства Чичерин считал конституционную монархию, в которой, как он утверждал, различные начала общежития приводятся к идеальному единству: «Монарх представляет начало власти, народ и его представители — начало свободы, аристократическое собрание — постоянство закона, и все эти элементы, входя в общую организацию, должны действовать согласно для достижения общей цели».

Теория конституционализма Чичерина расходилась с порядками самодержавной России, о которых он не раз отзывался критически: «Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями».

Отрицательное отношение Чичерина к самодержавию определялось и тем, что в его реакционной политике он видел нечто, чреватое революцией: «Там, где господствует упорная притеснительная система, не дающая места движению и развитию, там революция является как неизбежное следствие такой политики. Это вечный закон всемирной истории». Вот почему, рассуждал Чичерин, необходимы своеобразные преобразования, исходящие от самой верховной власти. В период подготовки крестьянской реформы он порицал Герцена за «безумные воззвания к дикой силе», из-за которых «вместо уважения к праву и к закону водворится привычка хвататься за топор». Чичерин был противником революции, но сторонником реформ. Он призывал правительство «не потакать проискам Чернышевского, Добролюбова», считая при этом наилучшим вариантом политико-правового развития России самоограничение абсолютной власти. Это самоограничение означало переход от самодержавия к

конституционной монархии, который, как он надеялся, будет осуществлен посредством глубоких реформ, проводимых по инициативе и с согласия царя.

Чичерин утверждал, что земледельческий характер России и ее отсталость обуславливают необходимость сильной монархической власти: «В отличие от Запада, где общественное устройство сложилось само собой, в России монархия сделалась исходною точкою и вождяем всего исторического развития народной жизни».

Чичерин был современником реформ и контрреформ в периоды царствования Александра II и Александра III. Перспективы развития государственного и правового строя России по-разному ставились и обсуждались в газетах того времени, в различных обществах и кружках. Чичерина тревожило то, что «либерализм», по-разному толкуемый и понимаемый, стал модой, а рассуждения ряда новомодных «либералов» расходились с его представлениями о свободе. Этим была обусловлена оценка Чичериным современных ему видов либерализма.

Чичерин различал три вида либерализма: уличный, оппозиционный, охранительный.

«Уличный либерал, — писал он, — не хочет знать ничего, кроме собственного своеволия... Он жадно сторожит каждое буйство, он хлопает всякому беззаконию, ибо само слово закон ему ненавистно... Он готов стереть с лица земли всякого, кто не разделяет его необузданных порывов... Отличительная черта уличного либерала та, что он всех своих противников

считает подлецами... Тут стараются не доказать, а отделать, уязвить или оплевать».

Второй вид либерализма, по Чичерину, — оппозиционный, в котором нет требования позитивных действий, а присутствует только «наслаждение самим блеском оппозиционного положения». «Оппозиционный либерализм понимает свободу с чисто отрицательной стороны. Отменить, разрушить, уничтожить — вот вся его система», — писал Чичерин. Верх благополучия оппозиционного либерализма, по его мнению, — «освобождение от всяких законов, от всяких стеснений. Этот идеал, неосуществимый в настоящем, он переносит в будущее, или же в давно прошедшее». С помощью нескольких категорий-ярлыков этот вид либерализма, замечал Чичерин, судит обо всех явлениях общественной жизни. «Похвалу означают ярлыки: община, мир, народ, выборное начало, самоуправление, гласность, общественное мнение и т.п.». Кроме того, «постоянная оппозиция неизбежно делает человека узким и ограниченным. Поэтому, — писал Чичерин, — когда наконец открывается поприще для деятельности, предводители оппозиции нередко оказываются неспособными к правлению, а либеральная партия, по старой привычке, начинает противодействовать своим собственным вождям, как скоро они стали министрами».

Позитивный смысл свободе может придать, по убеждению Чичерина, только либерализм охранительный. Необходимо действовать, «понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, не сохраняя беспристрастную независимость». Власть и свобода нераздельны так же, как нераздельны свобода и нравственный закон. Сущность охранительного либерализма состоит, согласно концепции Чичерина, «в примирении начала свободы с началом власти и закона». В политической жизни лозунг охранительного либерализма означает: «Либеральные меры и сильная власть, — либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права граждан, — сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука и разумная сила».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1025450984208465>

ОХРАНИТЕЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ. Ч.2.

«Государство, в котором задерживается общественная самодеятельность, не в состоянии тягаться со свободными странами, где все общественные силы развиваются на полном просторе и призывают к содействию общей цели»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин мыслил свою концепцию «охранительного либерализма» в качестве альтернативы классическому либерализму – альтернативы, укорененной в особенностях русского исторического развития. Как и все либералы, Чичерин пытается разрешить главную проблему общественной жизни – согласовать два противоположных элемента: личность и общество, свободу личности и ее ограниченность в правовом поле. В отличие от классического либерализма, охранительный либерализм одинаково ценными считает свободу и «охранительные начала», традиции государственности, сильной власти, национальной культуры, религии. Более подробно теория Чичерина рассматривается в работе Н.В. Катениной «Философско-правовое учение Б.Н. Чичерина как явление русской мысли». Приводим выдержки оттуда:

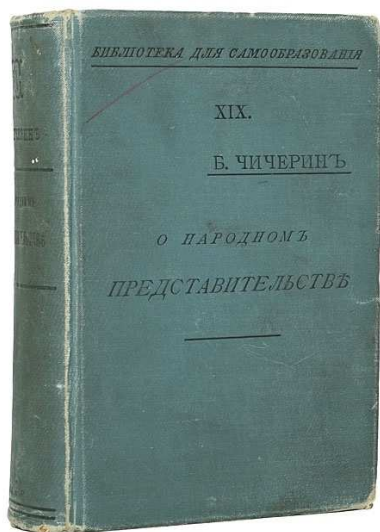
«Сущность охранительного либерализма Б.Н. Чичерин усматривает в примирении начала свободы с началом власти и закона. Политическое кредо его выражается в следующем: «Либеральные меры и сильная власть, – либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан,... – сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона... разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий».

Исходными элементами исследования Б.Н. Чичерина являются анализ соотношения категорий свободы, власти, закона, нравственности, поиск «гармонического соглашения духовных основ общества» (свободно-разумной личности) и «общественных взаимодействий» четырех основных союзов человеческого общежития: семьи, гражданского общества, церкви, государства. Мыслитель пытается разрешить главную проблему общественной жизни – согласовать два противоположных элемента: личность и общество, поскольку духовная природа личности состоит в свободе, а общественное начало как ограничение свободы выражается в праве.

Гармоничное соглашение свободы, власти, закона предполагает общественное единство, а для этого необходимо единство в государственной жизни. Лучшее всего это достигается при конституционной монархии, которая является политическим идеалом мыслителя. Монарх предстает посредником между народом и аристократией. Монарх воплощает начало власти, аристократия – начало закона, а демократия – начало свободы. Согласно Б.Н. Чичерину, развитие данных начал должно вести к гармоничному сочетанию всех элементов человеческого общества и гарантировать свободу...

Для Б.Н. Чичерина неприемлемо как поглощение личности государством, так и недооценка последнего. В отличие от классического либерализма, отстаивающего приоритет личной свободы и рассматривающего государство в качестве «ночного сторожа», а власть – как средство для осуществления либеральных целей, предусматривающего его максимальное ограничение во всех сферах жизни гражданского

общества, либеральный консерватизм одинаково ценными считает свободу и «охранительные начала», традиции государственности, сильной власти, национальной культуры, религии.

Б.Н. Чичерин убежден в невозможности как в теории, так и в практике государственного строительства опираться только на начала либерализма (голового индивидуализма) с его постоянными притязаниями на безграничность личных прав и безразличием к любым обязанностям. Свобода личности, полагал Б.Н. Чичерин, может существовать только в государстве и в рамках закона. Свобода не любит крайностей и является преимуществом лишь умеренного правления при наличии определенных сдержек, где граждане обеспечены против злоупотребления власти. Мыслитель полагал, что чем выше степень свободы в гражданском обществе, тем больше должна быть обеспечена власть – одно служит «поправлением» другого.

В классическом либерализме свобода безусловна и самодостаточна: она ценность сама по себе, а не путь к счастью и совершенству. К тому же свобода личности в классическом либерализме «подразумевает отказ от идеи любой сильной власти». Б.Н. Чичерин отмечал, что русскому человеку невозможно принять точку зрения западных либералов, которые дают свободе абсолютное значение, поскольку это означало бы «отречься от всего прошедшего, отвергнуть очевидный и всеобъемлющий факт нашей истории, который доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами по пути гражданственности и просвещения». Более того, по мысли Б.Н. Чичерина, когда либерализм ставит свободу «краеугольным камнем» всего общественного здания, подчиняя ей все остальное, он доходит до анархических положений.

Для Б.Н. Чичерина абсурдно противопоставление государства и гражданского общества, поскольку в исторической судьбе России государство было источником многих прогрессивных перемен. К тому же «модель личностного приоритета может породить крайний индивидуализм и эгоизм; модель общественного приоритета порождает «тоталитарный коллективизм», связанный с поглощением личности государством, ограничением ее автономии и самоопределения. (Такая модель была реализована в советском обществе и ряде других социалистических стран). Для преодоления подобных деформаций необходим поиск компромисса, консенсуса.

Сильная власть не исключает демократии, напротив, государство становится сильнее, когда в нем господствует сила закона: «Государство никогда не должно забывать, что оно может поддерживать свои учреждения единственно за счет граждан, с помощью принудительных сборов. Кроме того, полезно, чтобы самодеятельности граждан было предоставлено... более обширное поприще». По мнению Б.Н. Чичерина, чем больше народ привыкает удовлетворять общим потребностям частными средствами, тем выше поднимается его благосостояние и тем более государство находит средства и орудия для исполнения собственно ему принадлежащих задач.

Согласно Б.Н. Чичерину, «государство, в котором задерживается общественная самодеятельность, не в состоянии тягаться со свободными странами, где все общественные силы развиваются на полном просторе и призывают к содействию общей цели». Лучшей «школой для самодеятельности народа и лучшим практическим приготовлением к представительному порядку» ученый считал развитие в государстве местного самоуправления...

Б.Н. Чичерин существенно расходился с классическими либеральными мыслителями относительно объема предоставляемых местным властям полномочий. Главное правило в теории Б.Н. Чичерина о местном самоуправлении составляет утверждение о том, что государственная, центральная власть непременно должна иметь влияние на местное самоуправление для соблюдения законов и надлежащего исполнения различных мер, предпринимаемых правительством».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1026051694148394>

ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ЛИБЕРАЛИЗМА. Ч.1.

«Люди не потому свободны, что они признают друг друга таковыми; но они признают друг друга таковыми, потому что они по природе своей свободны»

Б.Н. Чичерин

В детстве Б.Н. Чичерин был окружен атмосферой старой дворянской традиции, из которой он почерпал «младенческую веру». Эта вера была утрачена им после поступления в университет, где она сменилась скептицизмом. Однако уже в процессе учебы она постепенно возвращалась к нему под влиянием его учителей, а в полной мере вернулась в зрелом возрасте – после тяжелой болезни и духовного кризиса. В своем зрелом творчестве Чичерин – последовательный и искренний христианин. При этом интересно, что его религиозные воззрения оставили отпечаток на теоретических построениях. Эта проблема рассматривается в работе Н.В. Катениной «Философско-правовое учение Б.Н. Чичерина как явление русской мысли». Приводим выдержки оттуда:

«Следует подчеркнуть, что взгляды Б.Н. Чичерина формировались под влиянием таких известных профессоров, как Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, П.Г. Редкин. В своих мемуарах о студенческих годах Б.Н. Чичерин с теплотой вспоминает своих учителей: «Отношения между профессорами и студентами были самые сердечные: с одной стороны, искренняя любовь и благоговейное уважение, с другой стороны, всегдашнее ласковое внимание и готовность прийти на помощь. У Грановского, у Кавелина, у Редкина... собиралось всегда множество студентов; происходили оживленные разговоры не только о научных предметах, но и о текущих вопросах дня, об явлениях литературы. Библиотеки профессоров всегда были открыты для студентов...» (отметим, что воспоминания Б.Н. Чичерина, «отличающиеся богатством фактологического материала и мастерством стиля, близкого к художественному», принадлежат к лучшим образцам русской мемуарной литературы).

Особое влияние на формирование личности ученого оказал Т.Н. Грановский, создавший «идеальный первообраз профессора», заложивший «основу нового типа русских просвещенных деятелей», один из представителей христианского либерализма. Почти все, кто знал Т.Н. Грановского, отмечали его высокие нравственные человеческие качества. И восхищение Б.Н. Чичерина своим учителем как одареннейшим из научных деятелей всегда сочеталось с преклонением перед его личными духовными качествами: «Все преподавание Грановского насквозь было пропитано гуманностью, оценкой в человеке всего человеческого, к какой бы партии он ни принадлежал, в какую бы сторону ни смотрел... В нем было... гармоничное сочетание всех высших сторон человеческой природы, и глубины мысли, и силы таланта, и сердечной теплоты, и внешней ласковой обходительности...».

Б.Н. Чичерин прошел большой жизненный путь и как человек, и как ученый. Взгляды мыслителя покоятся на солидной философской основе. Б.Н. Чичерин, прежде всего, был учеником и последователем гегелевской философии: В своих мемуарах он вспоминал о времени своего скептицизма: «Под влиянием гегелизма и построенной на нем собственной философии... я верил в будущую религию духа, ведущего человека к конечному совершенству; все же существующие и существовавшие религиозные формы я считал преходящими моментами человеческого сознания, не достигшего полноты». Здесь необходимо отметить, что раннее творчество Б.Н. Чичерина обнаруживает противоречия и колебания. Так, в одних своих произведениях ученый отстаивает права

человека, требует уважения к личности, ее достоинству, в других – все подчиняет государству и задачам его развития.

Религиозное возрождение Б.Н. Чичерина последовало за тяжелой болезнью и духовным кризисом мыслителя, после выхода из которого исследовательский интерес и мировоззрение ученого радикально меняются: «... более зрелое размышление убедило меня, что то, что я считал преходящими моментами сознания, в действительности выражает собою вечные, неустрашимые начала мирового бытия». И на протяжении всей последующей своей творческой философской деятельности мыслитель пытается преобразовать гегелевскую философию, снять ее противоречия, приспособить к российской действительности.

В книге «Наука и религия» Б.Н. Чичерин пытается объяснить, каким образом должны строиться отношения между философией и религией через раскрытие их внутренней взаимосвязи, отвечает на вопрос: что значит быть философом и верующим человеком. Ученый пишет: «Философия представляет в отвлеченной форме то самое содержание, которое религия заключает в себе в конкретном явлении, ... совокупное исследование обеих областей может раскрыть нам основной закон всемирно-исторического движения, то есть развитие идеи абсолютного в человеческом духе, от которого, в свою очередь, зависит развитие всех других элементов человеческой жизни». Единство философии и религии, по Б.Н. Чичерину, есть результат их взаимодействия.

По мнению Б.Н. Чичерина, философия и религия совпадают в своей устремленности постичь абсолютное, но способы познания различны. Философия имеет свои пути познания, свои доказательства, для нее религия является предметом исследования, а не источником познания. «Объективная истина требует и объективного мерила, а таковое может дать только разум», который «составляет единственное данное человеку орудие познания», и «только проведши свою веру через это испытание, образованный человек может отдаться ей всею душою, сознательно и свободно, как требуется высшим развитием духа. Испытайте все, говорит апостол, и хорошего держитесь (I Солун. V, 21)». Однако религия, по мысли ученого, не является младенческим состоянием ума, низшей ступенью философского сознания. Высшим не может являться ни философия в отношении религии, ни религия в отношении философии, высшим может быть только единство постоянно расширяющегося многообразия проявлений духа. Эту философскую позицию сам Б.Н. Чичерин называл универсализмом.

В своем учении мыслитель пытается синтезировать в единое целое религиозные и философские воззрения. Для Б.Н. Чичерина каждый человек – уникальная бесценная личность, и уникальностью личности является ее индивидуальная особенная свобода – неотъемлемое содержание личностного начала: «Люди не потому свободны, что они признают друг друга таковыми; но они признают друг друга таковыми, потому что они по природе своей свободны» (а ведь свобода неотчуждаема от личности в ее христианском понимании). При этом Б.Н. Чичерин различает свободу внутреннюю

(свободу воли), которая проявляется в нравственном самоопределении и регулируется нравственным законом и совестью человека, и свободу внешнюю (свободу действий), которая реализуется в сфере гражданского общества и в государстве, и определяется правовым законом».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1026790137407883>

ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ ЛИБЕРАЛИЗМА. Ч.2.

«С точки зрения строгой нравственности человек, который решился отстаивать права совести, должен быть готов на принятие мученического венца»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин осознавал, что его учение об «охранительном либерализме» укоренено в христианском мировоззрении. Он полагал, что христианство основано на понятии внутренней свободы человека, при этом человек в такой картине мира является носителем абсолютного начала. Согласно Чичерину, нравственность базируется на бескорыстном желании добра, и лишь в религии она находит твердую опору. Как сосуществуют в человеке нравственность и эгоизм, так же человеку свойственно являться существом нравственным и правовым. В силу своей природы человек, по мнению Чичерину, способен отдавать дань и Богу, и Кесарю. Более подробно проблема христианских корней охранительного либерализма рассматривается в работе Н.В. Катениной «Философско-правовое учение Б.Н. Чичерина как явление русской мысли». Приводим выдержки оттуда:

«Б.Н. Чичерин отмечает, вся христианская религия основана на понятии внутренней свободы человека: грехопадение понимается как акт свободной воли. Идея внутренней свободы личности у мыслителя связана с идеей абсолютного начала. Его концепция абсолютного и человека как носителя абсолютного в своей основе, безусловно, имеет религиозные корни: «Человек создан по образу и подобию Божьему; он носит в себе абсолютное начало; он состоит членом нравственного мира». Однако их исследование ученый осуществляет исключительно философскими методами.

По мысли Б.Н. Чичерина, человек, как носитель Безусловного, – абсолютный источник своих действий и сознает собственную независимость, предполагая при этом возможность уклоняться от закона (разума). Этим он возвышается над остальным творением, и только в силу этого свойства он должен быть признан свободным лицом, имеющим права, только поэтому с ним непозволительно обращаться как с простым орудием: «каждое разумное существо есть само по себе цель». Эту мысль Б.Н. Чичерин неоднократно подчеркивает в своих работах: «Как носитель абсолютного, человек является абсолютным началом своих действий. Всякое внешнее определение должно пройти через внутреннее самоопределение разумного существа, не связанного никакими частными побуждениями и способного возвыситься над всем относительным». Таким образом, способность к самоопределению составляет принадлежность разума как высшего начала, которое способно управлять инстинктивными влечениями своей воли, и является источником действий разумного существа в реальном мире.

Самоопределение – это всегда выбор между разными путями, допускающее как исполнение закона, так и уклонение от него. Свобода выбора составляет важное условие свободной личности. Нравственные поступки людей вменяются им в заслугу именно потому, что они могли поступить иначе... Нравственный характер поступку дает исключительно бескорыстное желание добра, без всякого внимания к человеческим наградам и наказаниям, «ибо добродетель не есть что-либо совершаемое по принуждению».

По мнению Б.Н. Чичерина, именно в религии нравственность находит самую твердую опору. Божественное и человеческое неразрывно связаны между собой и

образуют «единый нравственный мир... нравственность есть выражение метафизической сущности человека, возвышающейся над всякими эмпирическими определениями и полагающей себе целью идеальные отношения разумных существ».

КУРСЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУКИ.

Б. Чичерина.

Часть II.

СОЦИОЛОГИЯ.

Цена 3 рубля.

Ученый пытается соединить этические принципы, отвечающие юридическому праву, с нравственными устоями русской культуры. Он верно замечает: «Право есть область личной воли, где господствуют личные цели и уже, что касается нравственности, то здесь личные цели подчинены целям общим». Данное несоответствие между нравственной и правовой областями не является для Б.Н. Чичерина причиной, мешающей эффективному функционированию права, и в то же время – духовному совершенствованию личности. «Как существо разумно-нравственное, человек осознает общий безусловный закон... как существо чувственное, напротив, он не имеет иного побуждения кроме личного удовольствия».

Все значение человеческой личности и ее прав мыслитель видит в том, что человек, несмотря на природенную склонность ко злу, есть существо разумно свободное, которое носит в себе сознание нравственного закона и, в силу своей свободной воли, способно действовать по представлению долга, соизмеряя свои действия с общими правилами. Так, с христианской точки зрения все люди без исключения повреждены первородным грехом. С другой стороны, каждый человек сотворен по образу и подобию Бога. К тому же христианство учит не мешать другим людям, не нарушать их свободу, а, напротив, действовать на пользу ближних во имя Божье.

Как сосуществуют в человеке нравственность и эгоизм, так же человеку свойственно являться существом нравственным и правовым, (поскольку право отвечает в сущности эгоистическим стремлениям людей, хотя в определенной мере ограничивает их). Таким образом, человек в силу своей природы отдаст дань и Богу, и Кесарю.

Кроме того, государственный закон соотносится с временными, изменяющимися потребностями общества, он не может охватить всю глубину и сложность жизненных явлений. По мнению Б.Н. Чичерина, государство не воспитывает людей, полагая их совершеннолетними и способными к самоопределению в соответствии с требованиями их совести (нравственного закона). К тому же страх наказания, как показывает юридическая практика, никогда не был достаточным условием для эффективного выполнения правовых норм.

Правда, иногда нелегко определить, в каком случае человек должен следовать внушениям своей совести, а в каком он обязан свою совесть подчинить требованиям государственного закона. В качестве примера Б.Н. Чичерин ссылается на судьбу христианских мучеников, которые умирали, но не повиновались приказанию поклоняться идолам. Этот пример мыслитель считает высшим образцом исполнения долга и перед совестью и перед государством...

Однако, по мысли Б.Н. Чичерина, действуя во имя нравственного закона, совесть обязана соблюдать его вполне, то есть оказывать повиновение и государству принятием

наказания, хотя бы оно было несправедливо: «С точки зрения строгой нравственности человек, который решился отстаивать права совести, должен быть готов на принятие мученического венца». Поэтому человек, по убеждению Б.Н. ученого, должен глубоко взвесить в своей совести последствия своих действий, прежде чем он решит отказать закону в повиновении, а государство, в свою очередь, должно щадить совесть человека, не насилуя ее даже там, где его право очевидно.

Б.Н. Чичерин в своих трудах неоднократно подчеркивал, что невозможно вести человечество к нравственному идеалу путем внешнего принуждения, а только лишь путем свободы, так как нравственность по принуждению – это искажение нравственности как таковой...

Поэтому Б.Н. Чичерин в полемике с В.С. Соловьевым категорично настаивал на разграничении нравственного и государственного законов, аргументируя опасность превращения права в инструмент реализации нравственного идеала: «Это та мысль, которая зажигала костры инквизиции и заставляла истреблять тысячи людей во имя религии милосердия и любви». Женщину, виновную в прелюбодеянии, Христос, вопреки закону Моисея, прощает, хотя для повышения общественной нравственности периодические экзекуции в качестве показательных процессов над нарушителями законов, с точки зрения обывателя, очень даже полезны.

Все же необходимо отметить, что несмотря на видимое полярное различие взглядов в полемике Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева относительно нравственных основ права, между учениями этих выдающихся мыслителей прослеживается внутренний унисон, глубокая идейно-смысловая связь, свидетельствующая об общих православно-религиозных корнях».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1027347234018840>

КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ. Ч.1.

«Главная сила североамериканской демократии... в изумительной самодеятельности народа, для которой полная свобода составляет первое и необходимое условие»

Б.Н. Чичерин

Представляет интерес критический анализ демократии, произведенный Б.Н. Чичериным с позиций охранительного либерализма. Русский ученый полагал, что представительная демократия имеет ряд преимуществ: она дает наивысшее обеспечение свободы и права; создает условия для повышения производительности человеческого труда; поднимает нравственный уровень в обществе; способствует росту политического образования; составляет венец гражданского развития; и пр. Однако Чичерин отмечал и существенные недостатки демократии. По его мнению, при демократии отрицается значение образования для верховной власти. Также для демократии характерна безудержная, не брезгующая никакими средствами борьба за власть, что ведет к произволу. В целом, по мнению Чичерина, демократия ведет к формированию неустойчивого типа общественных отношений. Его позиция по этому вопросу рассмотрена в работе Л.М. Искры «Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории». Приводим выдержки оттуда:

«Чичерин пишет, что демократия базируется на свободе и равенстве, но поскольку без подчинения закону невозможно существование государства, то он вводит свободу в определенные рамки. При демократии это проявляется в безусловном подчинении меньшинства большинству, которое является выражением государственной воли. Разделив демократию на непосредственную, существовавшую в общинах и маленьких государствах, и представительную, Чичерин перешел к выяснению плюсов и минусов последней. Преимущества демократии, по Чичерину, заключаются в следующем: 1) она дает наивысшее обеспечение свободы и права; при ней интересы всех граждан представлены в законодательном органе; 2) свобода рождает уверенность, энергию, дает возможность человеку проявить все способности, обеспечивает наивысшую производительность; 3) участие в верховной власти возвышает человека, он преклоняется только перед общей волей; это поднимает и нравственный уровень общества; 4) участие в правлении каждого способствует всеобщему политическому образованию; 5) вопросы обсуждаются и решаются заинтересованными лицами; б) поскольку правительство вышло из общества, постольку его разрыв с ним невозможен; 7) демократия, как политический строй, естественное завершение общегражданского порядка, «составляющего... венец гражданского развития человечества».

Гораздо подробнее Чичерин писал о недостатках демократии. При ней, подчеркивал он, смешиваются гражданский и политический порядки. Между тем в гражданской сфере человек занимается собственными делами, которые касаются только его. В политической же области решаются общественные вопросы, и заниматься ими должны наиболее способные и образованные. Последовательное же проведение принципа равенства отдаст верховную власть наименее способным.

По Чичерину, при демократии отрицается значение образования для верховной власти. Это суждение выглядит совершенно надуманным, поскольку ни одна демократическая конституция не имеет подобного положения. Но дело в том, что ученый настолько высоко поднимал планку истинного образования, что к полубразованным относил многие слои современной ему интеллигенции, а народные

массы самых развитых стран называл полуграмотными. Будучи несомненным сторонником повышения культурного уровня народа, ученый считал, что образовательный разрыв между ним и интеллектуальной элитой ликвидировать невозможно. В этом он был прав. Однако формирование власти из элитарно образованных людей означает фактическую ее передачу верхушке господствующего класса. Чичерин этого и хотел, но согласиться с ним, по нашему мнению, нельзя.

Другой недостаток демократии, по Чичерину, заключается в безудержной, не брезгующей никакими средствами, борьбе партий за власть. Из-за этого от активной политической жизни устраниваются лучшие и образованные люди, что характерно для США. В таких странах успех имеют потерявшие нравственное достоинство политиканы, демагоги, умеющие льстить толпе, потакать ее страстям и низменным влечениям. Поэтому из всех аристократий при демократическом правлении влияние имеет только денежная, т. е. худшая, по словам Чичерина, из всех... Однако и она не оберегает богатых от поборов. Под давлением масс государство, изменяя своей природе, превращается в благотворительное учреждение. Демагоги в своих корыстных целях науськивают «толпу на все, что над нею возвышается, возбуждают бедных против богатых... Социалистическая пропаганда идет на всех парах, и политическое право служит ей самым сильным орудием. Известно, какое страшное развитие получил социализм в Германской империи с введением всеобщего права голоса».

Демократический произвол, по мнению Чичерина, хуже монархического, царь боится возбудить недовольство. Демократия же, имея большинство, не боится ничего, причем она не ограничивается политической областью. «Монарх и аристократия стоят на вершине здания; от самого сильного гнета сверху подданные могут укрыться в частную жизнь. Народ же везде присут; он все видит и все знает. Всякий, кто не примыкает к общему течению или осмеливается поднять голос против решения большинства, рискует

поплатиться и имуществом, и даже самую жизнью, ибо разъяренная толпа способна на все». И далее Чичерин писал: «Токвиль <...> изучая Соединенные Штаты в самую лучшую их пору... пришел к заключению, что демократия представляет господство посредственности: возвышая массу, она понижает верхние слои и все подводит к однообразному, пошлому уровню».

Следующий недостаток демократии, по Чичерину, — это неустойчивость общественных отношений, ибо массы, достигшие власти, не дорожат прошлым, в котором было угнетение, а стремятся к постоянным изменениям забывая, что благосостояние достигается медленным, естественным путем, а не государственными мерами. Наконец, использование партией власти для удовлетворения своих приверженцев, что тоже характерно для демократии, ведет к нарушению закона, диктатуре демагогов и даже к тирании, если диктатор сумеет захватить военную власть.

Как видим, отдав должное демократии за пробуждение предприимчивости, чувства собственного достоинства, связывая с нею повышение производительности

труда, политического и культурного уровня народа, ученый негативные стороны демократии рисует куда рельефнее, нежели позитивные. Фраза о том, что безоговорочное осуждение демократии было бы неверно, убедительно свидетельствует о том, что Чичерин ей не симпатизировал, но как ученый, стремясь к объективности, постарался отметить все хорошее, что, по его мнению, демократия имела. Если бы она ограничилась пере-формированием и расширением элиты, ростом среднего слоя, то Чичерин счел бы ее наилучшим политическим устройством, ведь заявлял же он, что демократия — естественное завершение общегражданского порядка, который является венцом человеческого развития. Но она вызвала к политической жизни народные массы, ставшие ее весомым фактором, и именно это вызвало негативизм Чичерина. Народ действительно не раз увлекался демагогами и помогал устанавливать тиранию, от которой сам же страдал. Это наглядно доказано XX веком. Предсказывая такую возможность, Чичерин писал, что она следствие необузданной демократии, являющейся худшей формой правления. У Чичерина хватило объективности не обвинять народные массы, ибо он понимал, что хотя ответственность с них не снимается, но ни вдохновителем, ни организатором тирании они не являются. Однако представление ученого о том, что политическое равноправие всех граждан чревато диктатурой, неверно».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1029382393815324>

КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ. Ч.2.

«Личное начало, составляющее самый корень протестантизма, есть вместе и основное начало демократии»

Б.Н. Чичерин

Продолжаем рассматривать критику демократии, представленную в работах Б.Н. Чичерина. Главной проблемой демократии Чичерин считал то, что она способна вести, с одной стороны, к популизму, а с другой стороны, к свободной пропаганде социалистических идей. Демократия не способна сдерживать социалистический натиск – в этом главная претензия Чичерина, которая выглядит актуальной для второй половины XIX века. Л.М. Искра в работе «Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории» пишет об этом следующее:

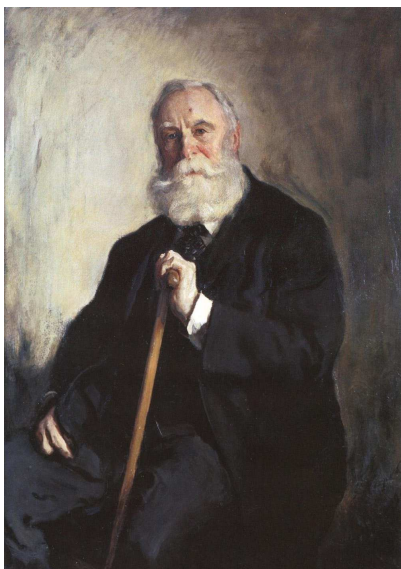
«Правильная организация демократии, по Чичерину, должна иметь систему юридических и нравственных сдержек против властей, которые от имени большинства могут творить произвол. Поскольку демократия требует от граждан близкого знакомства народа с государственными вопросами, а это легче в маленьких государствах, то необходимо союзное устройство больших. В числе юридических сдержек Чичерин назвал также референдумы и разделение властей. Законодательное собрание, писал он, должно быть двухпалатным, так как единое стремится к произволу, примером чего является французский конвент. Верхней палате необходимо иметь преимущественно охранительный характер, а нижней — инициативный. Во главе исполнительной власти может быть либо президент, либо избираемый палатами премьер-министр. Преимущество президентства в том, что всенародный избранник обладает сильной властью, но он может ею злоупотребить. Премьер-министр осуществляет парламентское правление, которое исключает диктатуру, но это власть слабая. Идеал же невозможен. Слабость правительственной власти, по Чичерину, должна компенсировать максимальная независимость суда.

К нравственным сдержкам ученый относил религию и патриотизм, причем считал, что они важнее юридических, ибо демократия невозможна без самодеятельности граждан. Особое место Чичерин отводил религии, полагая, что демократии более свойственен протестантизм, нежели католицизм, который требует беспрекословного повиновения, «считая терпимость, свободу и равенство началами революционными, он является естественным врагом основанного на них порядка вещей, тогда как личное начало, составляющее самый корень протестантизма, есть вместе и основное начало демократии»...

Неожиданным является заявление Чичерина о том, что бюрократия — важное орудие демократии. Однако аргументы ученого весомы. Ратуя за самоуправление, он в то же время отмечает, что без контроля оно порождает хищения. В центре хищения осуществляются в пользу правящей партии. Силой, сдерживающей как частные, так и партийные интересы, и является, по Чичерину, бюрократия, призванная служить общегосударственным целям. В свою очередь выборные органы удерживают ее от кастовости и пренебрежения к частным интересам. Ученый прав. Государственное управление требует профессиональных навыков, преемственности, и без квалифицированных, надпартийных чиновников оно невозможно. Поэтому в развитых странах чиновники — объект уважения, а не поношения. Там стало нормой, что старший чиновник осуществляет профессиональное управление, а его начальник представляет ведомство перед общественностью и дает ему общее направление. К

тому же чиновники несменяемы, а официальные руководители меняются в зависимости от победы или поражения партии.

Способы действия демократии, писал Чичерин, те же, что и в любом правлении: «нужна сила в чрезвычайных обстоятельствах и умеренность в обычном течении жизни». Но влияние необразованной массы усложняет задачу, чем пользуются революционеры. Правда, опирающееся на большинство демократическое правительство может воспрепятствовать этому, но только если проявит твердость. Однако современные демократии, продолжал ученый, склонны уступать революционным стремлениям, а они величайшая помеха умеренной политике даже в спокойные годы. Желание задобрить малоимущих избирателей ведет к уступкам революционерам. Последние, почувствовав силу, становятся дерзкими, беззащитными и, пользуясь своей сплоченностью, берут верх. Будучи не в состоянии это сделать сразу, они, вырывая уступку за уступкой, готовят почву для своей победы. Положение усугубляется, если охранители являются врагами существующего порядка, побуждая этим умеренных демократов к союзу с радикалами...

Не симпатизируя демократии, Чичерин находил полезным, чтобы она полностью развилась там, где для нее есть подходящие условия, а ее опыт, как негативный, так и позитивный, стал поучителен для других. История свидетельствует, писал ученый, что новое обычно растет, достигает преобладания, а затем обнаруживает односторонность и самой жизнью вводится в должные пределы. Так, приверженцы демократии ждали от нее невиданных благ, но скоро разочаровались. Выяснилось, что демократическим путем можно избрать тирана. Если первоначально демократия привела к власти средние классы, проявившие яркие дарования, то затем на арену вышли низшие классы, которые не только не дали талантов, но стимулировали социалистов. Социализм же — самый опасный враг демократии, «...доведя до крайности все присущие ей недостатки, он тем самым подрывает ее основы и обнаруживает ее несостоятельность». И если XIX в. был периодом роста демократии, то «...будущий без сомнения представит нам картину ее упадка». Таким образом, демократия является не венцом человеческого прогресса, а «переходную ступенью политического развития».

Мысль о грядущем упадке демократии небезосновательна. И дело не только во взлете тоталитаризма в XX в., что, несомненно, является аргументом в пользу концепции Чичерина. Тоталитаризм рухнул, но какая демократия победила? Думается, та, в которой фактически властвует меньшинство, т.е. псевдодемократия. Конечно, чем шире демократия, тем большее властвующее меньшинство считается с большинством. Но переоценивать этого нельзя. Еще К.-П. Победоносцев показал, что народные избранники претворяют не народную, а партийную волю. Фактически, писал он, избиратели «в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя». Весьма ограничен и выбор избирателей, ибо кандидатов избирают не они, а партийные комитеты. К сказанному Победоносцевым необходимо внести два существенных уточнения. Во-первых, в буржуазной демократии главную роль играют не партии, а финансовая олигархия, которая их финансирует. Во-вторых, угроза поражения на следующих выборах заставляет учитывать интересы народа. В этом несомненное достоинство демократии. Но если в стране не существует влиятельной

партии, которую местная плутократия не может купить, то выборы во многом превращаются в фарс. Исключение бывает только в том случае, если господствующий класс расколот и отдельные его группировки, а соответственно этому и выражающие их интересы политические партии ведут ожесточенную борьбу...

Итак, по Чичерину, демократическая форма правления имела достоинства и была необходимым элементом развития. Однако, установив всеобщее политическое равноправие, она создала угрозу поглощения качества количеством. И до Чичерина, и после него многие мыслители задавали сакраментальный вопрос: как из тысячи глупых мнений создать одно умное? Чичерин тем не менее основную угрозу видел не в массе, а в радикалах, стремящихся повести ее за собой... По его мнению, всеобщее политическое равенство создает предпосылки для злоупотреблений. Даже если бы не было социалистов, то и тогда политики, зависящие от голосов некомпетентных избирателей, вынуждены были бы угождать толпе, прибегая к всевозможным трюкам, а это глубоко претило Чичерину, считавшему, что предпочтительнее система, которая учитывает народное мнение, но не позволяет решать государственные вопросы арифметическим большинством».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1029951143758449>

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ. Ч.1.

«Жизненный опыт достаточен для убеждения нас в бессилии человека, и эта мысль могла бы довести нас до полного отчаяния, если бы философия, вместе с религиею, не вселяла в нас твердую уверенность, что судьба наша управляется не слепым случаем, а высшею, разумною Силою»

Б.Н. Чичерин

В работах «Реальность и самосознание» (1898), «Основание логики и метафизики» (1894) и «Мистицизм в науке» (1880) Б.Н. Чичерин развил оригинальную метафизическую систему, которую он охарактеризовал как «метафизический универсализм». Метафизика Чичерина находится под сильным влиянием гегельянства, однако в ней имеется сильный персоналистичный элемент. Краткий анализ этой системы дается в статье Р.Н. Пархоменко «Б. Чичерин о религии и свободе». Приводим выдержки оттуда:

«Поскольку мысль Чичерина движется полностью в русле классической европейской рационалистической философии, не удивительным является тот факт, что центральным понятием всех его философских изысканий стало понятие Абсолюта. Однако для Чичерина Абсолют являет собой не только «абсолютное» начало бытия в как это принято в богословии. Человек, в свою очередь, также обладает одним важным и основополагающим качеством - это «тяга к абсолютному», постоянное и неуемное желание постичь это Абсолютное. Чичерин полагает, что познание неких относительных законов природы с неизбежностью, в силу «необходимых законов логики», ведет нас к познанию абсолютного, без которого первое теряет всякий смысл. Более того, человек «настолько человек», насколько он от конечного возвышается к бесконечному, «от относительного к абсолютному». При этом в наиболее чистом виде развитие идеи абсолютного в человеческом сознании происходит в истории философии.

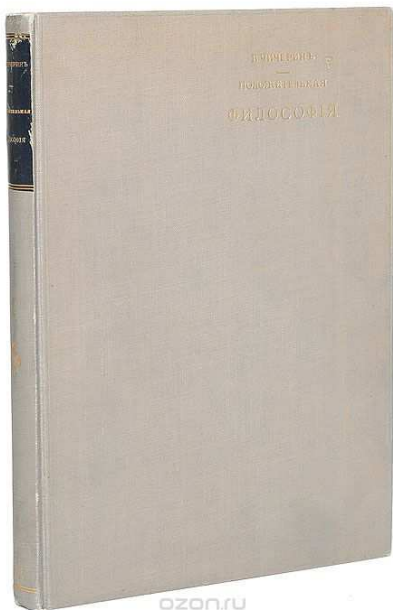
Понятие Абсолюта у Чичерина стоит очень близко к идеям Гегеля. Однако, говоря об историческом развитии человеческого сознания как осознании Абсолютного, далее Чичерин расходится с Гегелем. Чичерин полагает, что полнота бытия Абсолюта не является целью Абсолюта, она представляет собой лишь начальный момент в его саморазвитии. В отличие от триады Гегеля, Чичерин предлагает «четверичную» схему: у Чичерина «начало всегда есть конкретное единство, и только на следующем, промежуточном этапе из него выделяются простые и абстрактные определения, которым затем предстоит достичь высшего синтеза». Отказывается Чичерин и от достаточно запутанной идеи Гегеля о развивающемся Абсолюте и избавляется, таким образом, от онтологического аспекта диалектики, концентрируя свое внимание лишь на гносеологии, на диалектике как методе познания бытия. Само же подлинное бытие (т.е. Абсолют) есть наиболее полное и совершенное бытие, которое не проходит стадии развития в ходе мировой истории.

В заключении своих «Оснований логики и метафизики» Чичерин называет четыре «причины бытия», три из которых «носят в себе» характер абсолютного: «1) причина производящая, которая есть бытие самосуцее, источник и начало всякого бытия; 2) причина формальная, разум, который, происходя от причины производящей, имеет однако начало в самом себе: он сам себя полагает и таким образом становится абсолютным началом всех своих определений; 3) причина конечная, которая заключает в себе полноту бытия, а вместе и абсолютную цель всего сущего. Эти три причины суть

абсолютное начало, абсолютная середина и абсолютный конец всего сущего; они составляют триединое абсолютное».

Что касается «четвертой причины», выведенной метафизикой из анализа бытия, то это материальная причина, «многая и частная» и поэтому не абсолютная. Это уже область относительного и, в противоположность истинно сущему (абсолютному), она определяется как сущее, которое является также и «несущим», возникающим из «ничтожества, а потому причастное этому ничтожеству» [там же], утверждает философ.

Чичерин подчеркивает, что Абсолютное как объективное начало бытия всегда и во всех культурах носит название Бога: «Существование религии у самых первобытных народов доказывает вечное присутствие этого начала в душе человеческой. Во все времена оно составляло предмет размышления и для философов». При этом Чичерин последовательно разбирает три основных доказательства существования бога: онтологическое, космологическое и физико-теологическое (телеологическое). Как еще один способ доказательства бытия бога Чичерин называет «нравственное» доказательство, основанное на практических началах человеческой жизни. Это доказательство имеет более «ограниченное» значение и служит только «подтверждением» первых, уточняет он.

Отождествление Абсолюта с богом, таким образом, «легитимирует» религию и предоставляет ей равное место с философией в духовной культуре человечества. Такого рода «почтительное» отношение к религии, хотя и уводит Чичерина от позиций философии духа Гегеля, но, тем не менее, Чичерин не становится религиозным философом – по большому счету он остается на позициях рационализма. Обстоятельства личной жизни Чичерина – его тяжелая продолжительная болезнь, - или иные причины, но философ прямо говорит о том, что «пути Провидения» от нас скрыты, а жизненный опыт показывает лишь «ненадежность» всех человеческих предположений.

«Этот жизненный опыт достаточен для убеждения нас в бессилии человека, и эта мысль могла бы довести нас до полного отчаяния, если бы философия, вместе с религиею, не вселяла в нас твердую уверенность, что судьба наша управляется не слепым случаем, а высшею, разумною Силою». Идея Провидения приводит нас к рассмотрению отношений Бога к человеку не только в познании, «но и в деятельности». Именно поэтому в философии и возникает один из самых фундаментальных вопросов, а именно вопрос о свободе человека, полагает Чичерин.

Как реальный субъект, человек «погружен» в относительное бытие, но возвышаясь своим сознанием до понимания абсолютного, он «находится во взаимодействии» с ним: «Воздействие субъекта при взаимодействии с абсолютным состоит в вознесении чувства и воли к абсолютному. Первое совершается в молитве, второе в жертве. Связующим началом восприимчивости и воздействия служит богопознание, дающее им закон, а результатом их является реальная деятельность субъекта, направляемая религиозным чувством». По мнению Чичерина, именно вера

делает человека способным воспринимать Абсолют, а абсолютные начала, постигаемые в акте веры дают нам основания нравственности и руководят (а я бы сказал, должны руководить) практической деятельностью человека.

Говоря о практической деятельности человека, Чичерин выделяет два следующих ее аспекта: стремление человека к счастью и способность различать добро и зло. Не удивительно, что как чувственное существо, люди ищут удовольствий и пытаются избегать страданий и неопределенности. Стремление к счастью и может быть названо высшей целью жизни человека, но при этом «высшим, решающим началом является [...] не стремление к удовольствию, а совесть, которая верховным законом человеческой жизни полагает деятельность не для себя, а для других». В своем учении об этике, Чичерин во многом опирается не на Гегеля, а на Канта.

Высшим мерилom всякого опыта – совершенно в духе категорического императива Канта – должно быть подчинение частных стремлений сознанию общего закона. Такое подчинение есть обязанность человека и в нем заключается достоинство человека как разумного существа. Нравственный закон выделяет человека из чувственного мира и, будучи абсолютным, он не только определяет частные отношения субъектов, но и связывает всех людей в «одно мировое целое». А господство нравственного закона в мире указывает нам на существование верховного разума или Бога».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1030549577031939>

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ. Ч.2.

«Мы должны идти, отправляясь от частных элементов, восполняя одни другими и таким образом постепенно восходить от низшей ступени к высшей до тех пор, пока мы не достигнем полной гармонии бытия, насколько это доступно человеческим силам»

Б.Н. Чичерин

Продолжаем рассматривать метафизическую систему Б.Н. Чичерина. Важной особенностью учения Чичерина об Абсолюте является тезис о независимости человеческой личности, ее непоглощаемости Абсолютом. Не отрицая всеединство, Чичерин подчеркивает рациональную связь элементов бытия и предлагает разделять познавательную и нравственную или этическую стороны всеединства. Эта тема рассматривается в статье Р.Н. Пархоменко «Б. Чичерин о религии и свободе». Приводим выдержки оттуда:

«В своей работе «Мистицизм в науке» Чичерин определяет Абсолют как «согласие» всех частных сфер и элементов, где всеединство выступает конечной целью человечества: «Мы должны идти, отправляясь от частных элементов, восполняя одни другими и таким образом постепенно восходить от низшей ступени к высшей до тех пор, пока мы не достигнем полной гармонии бытия, насколько это доступно человеческим силам». Такое понимание Абсолюта стало фундаментом как антропологии, так и правовой концепции Чичерина, выступавшего против понимания Абсолюта как всепоглощающего начала, не допускающего личной свободы человеческой личности.

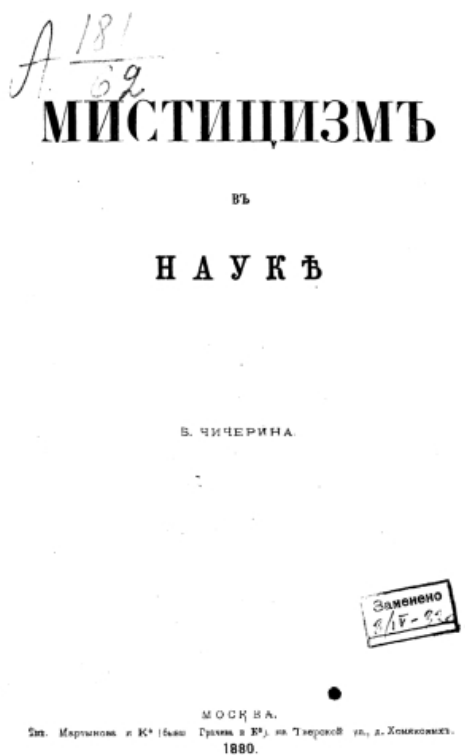
В этом пункте Чичерин радикально расходится с русской религиозной традицией, восхваляющей соборность и всеединство как невыделенность отдельного индивидуума (т.н. «роевое начало»). Последователи такого консервативно-ортодоксального толкования христианства, как философы, так и писатели постоянно делали упор на «особости» России как хранительницы великих духовных традиций прошлого. Чичерин же, напротив, отстаивает традиции не только рационализма, но и либерализма, и в своей метафизике по-иному трактует связь абсолютного всеединства и конкретных явлений...

Чичерин подчеркивает, что понятия нашего разума имеют логическую структуру и сводит множество представлений к единству: «Как таковое, оно есть единое над многим, если берется отвлеченно от представлений, или единое во многом, если берется, как присущее представлениям». По его мнению, представление есть образ в обширном смысле, тогда как понятие является логическим определением. Однако один и тот же предмет может быть объектом как представления, так и понятия – все дело в том, мыслится ли он отвлеченно или конкретно. Понятия состоят из двух противоположных элементов - содержания, получаемого из наших представлений и объединяющего логического начала или же формы. Данный факт говорит нам о том, что имеется два различных вида понятий: 1) «конкретные» понятия, представляющие логически объединенное содержание представлений и 2) «чисто логические» определения, которые являются выражением способа действия нашего разума – категории.

Категории же, в свою очередь, утверждает Чичерин, «связывают» и содержание представлений в понятия, и отдельные понятия между собой и делятся на суждения и умозаключения. Чичерин выделяет четыре логических формы, из которых состоит понятие: «Первую составляет конкретное понятие, или понятие в тесном смысле.

Затем следует двоякое сочетание понятий: непосредственное, в форме суждений, и посредственное, в форме умозаключений. Наконец, четвертую форму составляют категории, самая отвлеченная из всех форм, связующая все остальные и представляющая чистые способы действия разума в познании вещей».

Чичерин разводит опытное и умозрительные функции сознания: если с помощью опытных функций нашего разума мы в состоянии понять артефакты внешнего материального мира, то умозрительное знание исследует данные нашего внутреннего мира. Разум же есть «отвлеченно-общее начало вселенной», придающее всем знаниям чистого разума всеобщий и необходимый характер. Разум, в понимании Чичерина «выходит из пределов всякого опыта и полагает содержание, соответствующее его форме. Его функция заключается в возвышении от относительного к абсолютному». Также он утверждает, что законы разума и законы внешнего мира тождественны между собой, а основной функцией разума является логическое соединение и расчленение понятий.

В акте познания происходит расчленение действительности на субъект и объект, поэтому желаемое духовное единение может быть достигнуто не с помощью восстановления прежнего состояния вещей, а путем нового единения, получаемого под действием свободного «волевого» взаимодействия субъектов бытия. Именно так мы и наше познание способны двигаться вперед, а не пытаться постоянно вернуться назад к некому «первоначальному единству» в духе русской религиозно-философской традиции. И здесь Чичерин выделяет, прежде всего, рациональную связь элементов бытия и предлагает разделять познавательную и нравственную или этическую стороны всеединства.

По его мнению, нравственность есть «самостоятельный» элемент человеческого духа, хотя и тесно связанный с философией и религией. В основе нравственности лежат непосредственное чувство или совесть, а также философия и вера. На заре человеческой истории религиозный инстинкт народов всегда видел в жертве искупляющее начало человеческих грехов. Тогда считалось, что грехи человеческие искупаются, а правосудие совершалось тогда, когда человек приносил себя в жертву.

В современную эпоху, погруженную в индивидуализм, «высокий смысл» этой идеи «затемнился». Мы готовы «признать солидарность людей даже в чисто физической области, [...], но начало нравственной солидарности сделалось для нас непонятным. Между тем нравственная связь устанавливает между людьми гораздо теснейшее единение, нежели какие бы то ни было материальные интересы. Тела разобщают лица, нравственное же начало связывает их в одно духовное целое». А доказательством истинности моральной сферы в жизни человека являются человеческий разум и свобода индивида.

В отличие от религиозной философии всеединства, подчеркивающей первостепенную роль религиозно-нравственной связи в жизни человека, Чичерин акцентирует свое внимание на рациональном характере связи во всеединстве. На место религиозного откровения и слепой догматической веры он ставит строгую научную рационалистическую метафизику. Чичерин подвергает критике идеи Соловьева за то, что тот вводит мистический элемент в наше познание, тогда как для познания феномена всеединства необходим научный рационалистический метод. Чичерин пытается разграничить сферы действия религии и философии. Религия должна исследовать религиозно-духовную проблематику, не вторгаясь в сферу метафизики...

В конце своей «Науки и религии» Чичерин представляет в схематической форме «законы развития человечества» и говорит, что все развитие человечества идет от первоначального единства, «через раздвоение», к единству конечному. «Это движение совершается сменой синтетических периодов и аналитических. Первые характеризуются господством религий, вторые – развитием философии»...

Разделяя позиции европейского рационализма, Чичерин полагал, что и сам Абсолют являет собой совокупность разумных единиц, обладающих общей сущностью. Каждая такая монада определяет сама себя так, что реальный мир представляет «совокупность мысленных единиц, связанных общим законом разума, т.е. вытекающую из разума необходимость, в силу которой происходит самоопределение каждой единицы». Целью же Абсолюта является достижение гармонии, или «согласия в разнообразии», а не подавление каждой из этих монад-единиц».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1031199780300252>

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ. Ч.3.

«Человек может считаться свободным единственно вследствие того, что он носит в себе абсолютное начало»

Б.Н. Чичерин

Важной частью метафизической системы Б.Н. Чичерина является категория свободы. По его мнению, человек является активным творцом своей судьбы, и факт свободного выбора человека есть акт абсолютного самоопределения воли и творческий акт разумного существа. Чичерин выступает с критикой концепции всеединства, которая, как он полагает, растворяет человека в родовом начале. В этом он видит проявление типично русского негативного отношения к личности: если в Европе личность ассоциируется с действенностью и эффективностью (прежде всего, в социальном плане), то в России это одинокое и блуждающее лицо, затерянное в необозримом пространстве и подверженное влиянию природных стихий. Свою философию Чичерин рассматривал как реабилитацию личностного начала, из чего выводятся и его либеральные взгляды. Более подробно эта тема рассматривается в статье Р.Н. Пархоменко «Б. Чичерин о религии и свободе». Приводим выдержки оттуда:

«Категория человеческой свободы, одна из центральных категорий в философии Чичерина, тесно связана с Абсолютом, поскольку, по его мнению, именно обладание субъектом идеей Абсолюта и дает каждой отдельной личности возможность понять и осознать свободу. У Чичерина воля человека подчиняется разуму не по принципу необходимости, а благодаря закону свободы. Таким образом, факт свободного выбора человека есть «акт абсолютного самоопределения воли и творческий акт разумного существа, который, идя к будущему, привлекает свое воображение».

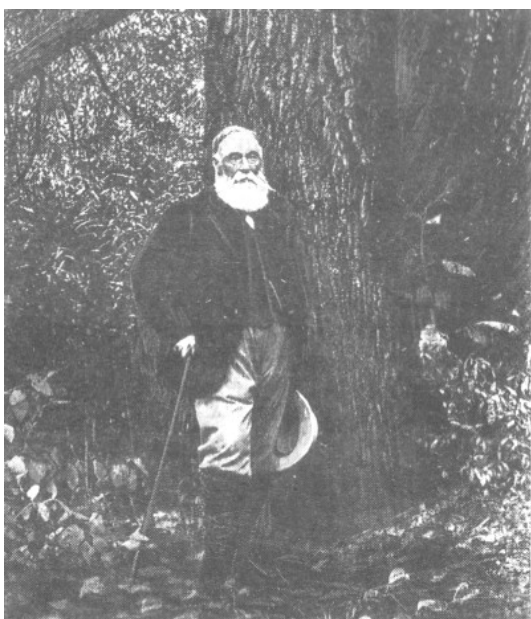
Как раз здесь Чичерин и выступает наиболее отчетливо против соборности и «роевого начала» русской философии и культуры. Он полагает, что такое преувеличение значимости интересов «целого» по-сравнению с интересами отдельных элементов, противопоставление схемы рассмотрения проблем «по-совести» - действующему законодательству, может привести к очень далеко идущим последствиям – вплоть до авторитаризма и диктатуры. Здесь явно просматривается полемика Чичерина с Вл. Соловьевым, его критика идей Соловьева о понимании свободы индивида как проявления нравственного закона всеединства.

Человек есть существо разумно-нравственное, которое осознает «общий, безусловный закон и действует в соответствии с ним; с другой стороны, как существо чувственное, он не имеет иного побуждения как личное удовольствие, которое часто идет вразрез с требованиями нравственного закона. Здесь сопоставляются два противоположных мировых начала – отвлеченно-общее и частное». Именно поэтому мы можем назвать человека микрокосмом, где его тело представляет собой материальную составляющую индивида, его разум – это сознательный, познающий элемент, тогда как душа связывает тело и разум воедино. Такой рационалистический подход к трактовке проблемы человека делал для Чичерина неприемлемой религиозно-мистическую риторичку панславизма и славянофильства.

«Невыделенность» индивида из общины, рода или клана, «размытость» понятий этики и постоянное смешивание религиозных и светских нравственных истин, подмена правовых понятий нравственными – против всех этих тенденций в русской духовной традиции Чичерин выступает с обоснованной критикой. Так, Чичерин постоянно

указывает на различие между религией и философией. Это различие проявляется в том, что религия и философия являются двумя совершенно разными формами духовной деятельности человека, при этом религия и философия расходятся в своих проявлениях, а не идут параллельно. И хотя как религия, так и философия занимаются исследованием Абсолюта, «сознание абсолютного, которое в философии развивается в форме отвлеченного познания, в религии развивается в форме живого отношения к Божеству, охватывающей всю человеческую жизнь».

Таким образом, по верному замечанию Приленского, отношение Чичерина к религии «не совсем обычно»: философ пытается «рационализировать» религиозное сознание и у него даже само религиозное чувство «глубоко проникнуто разумом. Это чувство, по его мнению, присуще только разумному существу, так как только оно стремится выйти из своей ограниченности и соединиться с бесконечным». Однако отнюдь не исследование соотношения религии и философии является главным устремлением философской мысли Чичерина.

Рассматривая российское и западноевропейское понимание личности, философ отмечает, что на Западе мы находим «личность рыцаря, личность гражданина, личность ученого». В России же вместо автономной личности субъектом общества является одинокое, «блуждающее» лицо, которое не в состоянии по-настоящему развить «ни науку, ни искусство, ни прочную гражданственность. Затерянное в необозримом, едва заселенном пространстве, оно более подлежало влиянию природных стихий, нежели общественных начал».

Чичерин постоянно говорит о важности личных прав и свобод и о необходимости разграничения сфер права и нравственности в обществе – именно рассмотрению этого круга вопросов и посвящена большая часть работ «позднего» Чичерина. Для Чичерина свобода представляет собой «метафизическое» начало, поскольку душа человека есть субстанция человека, существа, «укорененного» в трансцендентном. Субъект, пользуясь внешними благами, должен все же оставаться свободным от них, «подчинять их себе», а не подчиняться им. Это и есть закон внешней свободы: осуществляя свою свободу во внешнем мире подчинением себе внешних объектов, субъект приходит в столкновение с другими субъектами, которые делают тоже самое.

По степени важности понятие свободы представляет собой «краеугольный камень» его философской системы, и сама возможность развития государства напрямую связана с принципом свободы индивида. Говоря о свободе, Чичерин имеет в виду лишь «формальное равенство», а не материальное: последнее неприемлемо для него, поскольку он полагал, что равенство не может быть даже идеалом, потому что оно «противоречит природе вещей и человека. Цель истории, замечает он, состоит не в личном удовлетворении, а в общем благе, а это благо заключается в разнообразии и гармоническом единстве частей, чему противостояло бы равное распределение жизненных средств».

Поэтому Чичерин и был против набирающей в то время силу социалистической идеологии. Государство может эффективно функционировать лишь при наличии экономической свободы, ведущей, в числе прочего, и к имущественному расслоению между членами общества. Однако Чичерин не видел другой реальной альтернативы для дальнейшего цивилизованного развития России. По его мнению, осуществление свободы во внешнем мире составляет общий закон для всех, а из этого положения вещей возникает требование «взаимного ограничения свободы единичных субъектов». Именно так - через взаимное ограничение свободы и возникает право, составляющее, наряду с личной и экономической свободами, стержень современных гражданских обществ».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1031628143590749>

КАПИТАЛИЗМ. Ч.1.

«Все экономическое благосостояние страны зависит от личных свойств предпринимателей»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин считал капитализм вершиной человеческой цивилизации. Вне капитализма он не видел путь России, поэтому считал своим долгом разъяснить его сущность, доказать преимущество и опровергнуть критиков, прежде всего социалистов. Считая капитализм универсальным, Чичерин не пытался выявить специфику последнего в России, а препятствия на его пути безоговорочно относил к проявлениям крепостничества. Борьбу же с капитализмом считал вредной и бессмысленной, заявляя, что восстание против него означает восстание против всемирной истории. Наиболее подробно этот вопрос обсуждается в его сочинениях «Собственность и государство» и «Курс государственной науки». Их основные идеи резюмировал Л.М. Искра в труде «Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме». Приводим выдержки оттуда:

«Альфой и омегой экономических воззрений Чичерина было его убеждение, что сущность хозяйственной деятельности состоит в покорении природы на благо человеку, а ее основой "является личный интерес", который совершенно законен, пока не нарушает чужие права. Не общественный, а именно личный интерес, подчеркивал ученый, является двигателем экономики. Он соответствует естественной природе человека, но свободно смог проявиться лишь в новое время. В незрелом обществе вместо него действует принуждение. Объявление личного интереса эгоистическим, что и делали социалисты, казалось бы, напрашивалось, но Чичерин, полемизируя с ними, заявлял, что эгоизм это извращение личного интереса, поскольку он исключает нравственные побуждения. К последним он относил и стремление к материальному благополучию, доказывая, что без него невозможно духовное развитие. Человек, вынужденный целиком посвятить себя труду, не имеет ни досуга, ни возможности развиваться умственно. Небезынтересно, что последняя мысль Чичерина была схожа с рассуждениями социалиста Д.И.Писарева.

Нравственность, продолжал ученый, побуждает к честности в сделках. Тем не менее он был вынужден признать, что экономическая и нравственная точки зрения не совпадают и промышленность преследует не гуманитарные, а коммерческие цели. Но "судью, как своих выгод, так и своих нравственных побуждений, остается отдельное лицо". Безусловно, это выгодный для буржуазии вывод.

Одним из вопросов, вокруг которого кипели страсти был вопрос о том, кому принадлежит решающая роль в производстве. По утверждениям социалистов создателями материальных благ являются главным образом люди, занятые физическим трудом. В промышленности, занявшей ведущую позицию в экономике развитых стран, таковыми являются рабочие. Естественно, что из такого убеждения вытекала необходимость предоставления рабочим ведущего положения в обществе. Последовательные социалисты такой вывод и делали. Чичерин, понимая важность проблемы, не мог остаться вне полемики. Не считая необходимым отвечать российским социалистам, он повел борьбу с их западными учителями, стремясь научно опровергнуть их доводы. Особенно энергично он возражал против утверждения о том, что создателем всего является физический труд. Опираясь на это положение, писал он, социалисты убеждают рабочих, что капиталисты их грабят. В действительности же

экономическое производство состоит из четырех деятелей: природы, труда, капитала и направляющей воли. Под последней Чичерин понимал предпринимательство.

В отличие от К.Маркса, Чичерин не различал производительные силы и средства производства, и поэтому у него природа выступала не только как объект человеческой деятельности, но и как участник производства. От плодородия почвы и климата зависит урожай, писал он. От количества и качества угля результативность угольной промышленности и т.д. Придавая огромное значение труду, Чичерин разделял его на физический и умственный, отдавая решительное предпочтение последнему. Работников умственного труда Чичерин также делил на категории. К первой он относил специалистов: техников, инженеров, ученых и администраторов. Специалисты обладают, по словам ученого, знаниями, а лучшие их представители талантом. Что же касается администраторов, то их главное качество характер или воля. Знания, талант, характер- это проявления духовной стороны труда, которой массы не обладают. Отсюда руководящая роль работников умственного труда. "Рабочие же руки служат для них только орудиями". Ко второй категории представителей умственного труда Чичерин относил предпринимателей. И если рабочие состоят в служебном отношении к специалистам, то последние служат предпринимателю, поскольку именно он определяет цель предприятия, изыскивает и рассчитывает средства и берет на себя ответственность.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛИАЛ В Г. ВОРОНЕЖЕ

Л.М. ИСКРА

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ЧИЧЕРИН О
ПОРЕФОРМЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ,
КАПИТАЛИЗМЕ, СОЦИАЛИЗМЕ

ВОРОНЕЖ
1999

Таким образом, по Чичерину, экономическая цель и организация людей осуществляется хозяином предприятия. Технологический процесс разрабатывается инженерами. Машины изобретаются учеными, а непосредственная работа осуществляется машинами. "В машине, как движущая сила, так и самая работа принадлежит орудью; а состоящие при ней рабочие имеют служебное значение. Паровой двигатель сам работает, а не увеличивает только производительность работы кочегара... В машине действует сила природы, покоренная человеком и обращенная на его пользу. Но это покорение не есть дело рабочего, который служит при машине, а того, кто ее изобрел и построил. Плодотворная сила умственного труда, обращенная на будущее и осуществленная в капитале, дает последнему такую производительную силу, какой не имеет никакая физическая работа. Утверждать, что работа

инженера, строившего машину, сама по себе непроизводительна, а служит единственно к тому, чтобы делать более производительную работу кочегаров, можно только потеряв всякое уважение к здравому смыслу".

Эти мысли были высказаны ученым в "Курсе государственной науки" Четырнадцатью годами раньше в "Собственности и государстве" он еще резче подчеркивал подчиненное положение физического труда. Так, он заявлял, что доля участия капитала в промышленности определяется сравнением того, что работник может сделать без машины с тем, что он делает при машине. "Если без машины он может сделать 100, а при машине 1000, то очевидно, что 900 будет выражать собою участие машины". Предвидя возражение по поводу квалификации, ученый заявлял, что мальчик при машине сделает больше искусного работника без машины. Уже сам грамматический оборот: при машине, означает, что Чичерин свел рабочего до придатка

производства. Именно служебное назначение физического труда и вызвало рабство, утверждал он. "То, что делает работник, может быть произведено животным или машиной".

Однако прямо признать работника орудием производства, он не мог, ибо тогда нельзя было бы говорить о свободе. Дилемма, по Чичерину, решается тем, что рабство — это насильственная зависимость, а рабочий подчиняется добровольно, осознавая свое истинное место. "В этом заключается нравственное значение труда: он является исполнением долга". Понимая, что такой аргумент недостаточен, ученый разъяснял, что рабочий, заключая договор, выговаривает себе определенные условия и если они ему не подходят, не подписывает контракт. Но тогда производительные функции раба и фабричного рабочего по существу одинаковы, а утверждения социалистов, что промышленные пролетарии это видоизмененные рабы, которых принудили к работе не прямым насилием, а угрозой голода, правомерны. Чичерин понял уязвимость своей позиции и в более зрелом произведении "Курс государственной науки" снимает высказывания, в которых фактически проводилась аналогия между рабским и фабричным трудом. Но серьезная недооценка производительной роли трудящихся у него сохранится навсегда. Некоторые предпосылки к пересмотру высказанной точки зрения содержались уже в "Собственности и государстве" Так, он различал чисто механическую работу от квалифицированной работы, основанной на умении пользоваться орудиями. Однако развития, эта едва намечившаяся у него тенденция, не получила».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1033953076691589>

КАПИТАЛИЗМ. Ч.2.

«Результат экономического процесса состоит в том, что между противоположными крайностями вставляются связующие их средние звенья. Этот результат соответствует общему закону, которым управляются все явления, как физического, так и духовного мира, закону, который можно назвать законом среднего типа... Этот закон находит подтверждение в статистике, которая формулировала его в учении о среднем человеке»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин произвел глубокий и подробный анализ капиталистического способа производства. В дискуссиях с социалистами он обосновывал нравственный характер капитализма, рассматривая такие его аспекты, как потребности, конкуренция, средний класс, кризисы и др. Его взгляды на эти темы резюмированы в работе Л.М. Искры «Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме». Приводим выдержки оттуда:

«Цель производства, по Чичерину, заключается в изготовлении вещей, необходимых потребителю. Сами же человеческие потребности ученый разделил на три группы, которые развивались неравномерно. Первую составляли жизненно необходимые потребности. Вторую "потребности удобства и удовольствия... третью... потребности роскоши, имеющие в виду изящество жизни. До тех пор, пока общество довольствовалось удовлетворением самых насущных нужд, оно оставалось первобытным. Повышение потребностей стало возможным лишь с введением рабства. Последнее стимулировало и экономическое развитие. Но выиграли от него не все. Одни остались в состоянии крайней скудности, другие же стремились к роскоши. Укрепление власти, рост образования усилили тягу к роскоши. Большинство же соплеменников (не говоря уже о рабах) пребывали в нищете. Антагонизм бедных и богатых привел к падению античных республик. Введение монархии в Риме, ставшей над враждующими классами приостановило распад общества, но только временно. Обогащение одних и обнищание других продолжалось. "Вообще, это противоположение потребностей роскоши и скудных средств существования, с отсутствием потребностей удобства, составляет отличительную черту древнего мира. Это принадлежность экономического быта, основанного на рабстве".

Последняя мысль Чичерина внешне противоречит его же концепции. Ведь если бедняки не желали улучшения своего материального положения, то из-за чего возник их антагонизм с богатыми, приведший, по словам Чичерина, древний мир к крушению? Более тщательный анализ показывает, что противоречия нет. В сочинениях ученого постоянно говорилось о великой миссии среднего класса. Однако уровень экономического развития античности, по справедливому мнению Чичерина, исключал его формирование. Это сказалось и на психологии людей. Поэтому, указывая на отсутствие более высоких потребностей у бедняков, он, имел в виду не равнодушие последних к своему материальному положению, а отсутствие стремления стать средним классом. Вместо этого они хотели, по словам Чичерина, раздела богатства, что привело бы к всеобщему обнищанию. Античные же крестьяне не только не могли стать средним классом, но, напротив, не выдержали конкуренции латифундистов, разорились и сошли со сцены. В результате общественный антагонизм был непрерывным, а строй, при котором он возник, обречен.

Средние потребности, по Чичерину, зародились при сословном строе. Крепостное право, писал он, подобно рабовладению вызывало противостояние богатых и бедных, но именно в это время наряду с крупным землевладением появляется мелкое, смягчающее крайности социальной структуры. Но подлинным рассадником среднего класса является город, в котором сосредотачивается торговля и промышленность. Европейский город стал колыбелью промышленности нового времени. Призванная удовлетворять потребности всех, а не только богатых, она сметает сословные преграды. В результате складывается порядок, при котором нет "резко определенных делений, а устанавливается бесконечное разнообразие положений с постоянными переходами от одной крайности к другой". Особенно велика роль фабричного производства, направленного на удовлетворение массового спроса. При этом выпуск товаров для элиты не прекратился, но занял второстепенные позиции.

Подводя итог, Чичерин писал, что "результат экономического процесса состоит в том, что между противоположными крайностями вставляются связующие их средние звенья. Этот результат соответствует общему закону, которым управляются все явления, как физического, так и духовного мира, закону, который можно назвать законом среднего типа... Этот закон находит подтверждение в статистике, которая формулировала его в учении о среднем человеке". Осуществляется же данный закон не путем количественного роста, а диалектически. Сначала из общей массы "где господствуют средние типы, выделяются противоположности, затем эти противоположности опять сводятся к высшему единству вставлением между ними средних звеньев. Таким образом, высшая ступень представляет как бы возвращение к низшей, но с сохранением разнообразия и с возвышением общего уровня".

Как видим, при всей огромной роли, которую Чичерин отводил надклассовому государству в поддержании социального мира, подлинная стабильность, по его теории, наступает лишь с появлением зажиточного среднего слоя, составляющего большинство населения. И если государство, по Чичерину, способно создавать те или иные сословия, закрепощать или раскрепощать их, то средний слой, как явствует из сочинения ученого, формируется только в результате экономического развития...

Проблема потребления, поставленная Чичеринным, очень важна, но он преувеличил ее значение. Производство, несомненно, должно вестись не ради производства, а ради человека. Но сводить дело к потреблению неверно. Целые отрасли промышленности, будучи жизненно необходимы, например, оборонная, потребителю целям не служат. Не ставил Чичерин и вопрос о соотношении личного и общественного потребления, но, судя по его высказываниям, первому он отдавал приоритет.

Если личный интерес, по Чичерину, является двигателем производства, то его прогресс, а следовательно, и повышение материального благополучия граждан и общества происходят от конкуренции. Борьба за покупателя снижает цены, повышает качество и увеличивает количество товаров. Именно конкуренция, писал ученый, человечество обязано промышленным чудесам нового времени. Она же стимулирует технический рост, поощряя изобретателей. Конкуренция уничтожает нерентабельные предприятия, и это благо, ибо они невыгодны для народного хозяйства.

Она лишает неумелых производителей средств производства передовая их умелым, что также в интересах потребителей.

Не обошел ученый вниманием и негативные последствия конкуренции. Характерно, что в более позднем сочинении "Курс государственной науки" он писал о них подробнее, нежели, чем в "Собственности и государстве". Новации и усовершенствования в экономической области, указывал Чичерин, несут страдания определенной части населения. Отрасли производства, ставшие экономически невыгодными, ликвидируются, что порождает безработицу, переквалификацию и т.д. В конечном счете, временные трудности сглаживаются, но проблема остается, ибо "приспособление есть дело времени, страдания же составляют злобу настоящего дня. А так как этот процесс возобновляется постоянно, и усовершенствованиям нет конца, то на каждой ступени повторяются те же явления".

Конкуренция, продолжал ученый, это борьба в которой побеждают сильные. Страдания слабых вызывают протесты против нее. Причем умеренные хотят ее ограничения, а социалисты ликвидации. Но уничтожение конкуренции ведет к разрушению экономики. Ограничение же допустимо только в виде исключения. Защиту слабых осуществляет закон, карающий за насилие и обман. Но стремление производить лучше и дешевле других не противозаконно. Конкуренция порождает и экономические кризисы, которые происходят вследствие нарушения равновесия между спросом и предложением. Единственное действенное средство против них, писал Чичерин, это сокращение производства. Но решать это должно не государство, а хозяева предприятия».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1034633886623508>

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ РОССИИ

«Народность составляет один из самых могущественных рычагов всемирной истории, любовь к отечеству – одна из благороднейших пружин человеческой деятельности. Но есть другая любовь, не менее высокая и святая... это любовь к истине»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин полагал, что утверждение капитализма в России невозможно без ее всесторонней европеизации. Он мыслил этот процесс как эволюционный, рассчитывая на то, что переход России к полноценному капитализму не будет сопровождаться катастрофической ломкой традиционного образа жизни. Иного варианта, обеспечивающего России процветание, кроме капитализма, Чичерин не допускал. Социализм он категорически отвергал. Третий путь, предлагаемый славянофилами и другими почвенниками, он считал вредной фантазией, мысля российскую цивилизацию в качестве менее развитой формы европейской цивилизации. Эта тема рассматривается в работе Л.М. Искры «Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме». Приводим выдержки оттуда:

«Одним из характерных признаков капиталистического общества является индивидуализм, который лег в основу представления о свободе личности на Западе. В России же на протяжении всей ее истории объективные условия были таковы, что государственные и общественные интересы доминировали над личными. И это происходило вовсе не из раболепия граждан или деспотизма властей. Русский народ иначе не смог бы выжить. Поэтому в России освободиться от государственных и общественных "оков" стремились, как правило, худшие элементы. Безусловно, России нужны свободные, деловые, предприимчивые люди, но помимо этих качеств, они должны обладать способностью к немалому самоограничению. Третий путь и давал возможность для их формирования.

Почему же Чичерин, который сам показал глубокие различия русского и западного исторических процессов, был уверен, что в конечном итоге мы пойдем с Западом одним путем. Дело в том, что он не признавал существования самобытной русской цивилизации. Особенности допетровского развития для него были следствием крайне неблагоприятных условий, преодолев которые Россия пошла вслед за далеко ушедшими вперед западными народами. Ученый уважал допетровскую Русь, но смотрел на нее как на ступени ракеты, которые подняли ее ввысь, а затем отпали и больше ей не нужны. В чичеринской теории видное место занимала диалектика, но данный его подход ей явно противоречит. Необходимое отрицание чего-то устаревшего, порождает собственное отрицание, а вслед за ним происходит синтез, аккумулирующий все лучшее и из тезиса, и из антитезиса. Следовательно, не только в Петербургском периоде, но и в Московской Руси имеются материалы для будущей преобразованной России.

Позиция Чичерина во многом объясняется тем обстоятельством, что он фактически отождествлял общечеловеческое с западным. Никакие русские ценности, равно как и ценности неевропейских народов в его глазах общечеловеческого значения не имели. Правда, он отвергал обвинения славянофилов в том, что западники стремятся лишить русский народ самостоятельности и обречь его на вечное подражание Западу, но убедительными его контраргументы не были. Он признавал, что общечеловеческое осуществляется в национальных формах, но подчеркивал, что если между ними имеется разлад, то просвещенный человек должен сделать выбор в пользу общечеловеческого.

Способов же приобщения его к высшей цивилизации два. Первый заключается в совмещении отсталого с передовым. Второй - в замене старого новым, просвещенным. В первом случае сохраняется цельность жизни, но зато развитие будет чисто органическое. Выбор второго пути означает духовное возвышение, которое через борьбу и разрушение "детского единства жизни", ведет к новому более полному единству. Поэтому желание сохранить цельность жизни означает желание вечного детства. В настоящее время историческими могут быть только приобщенные к просвещению народы. Нефы и монголы, развивающиеся органически, сохраняют "неизменными первоначальные основы своего естества. В глазах отдельного человека они достойны всякой любви, ибо имеют с ним одну человеческую сущность, но в глазах истории, это только любопытные образцы человеческой породы, которые всемирно-исторического значения не имеют".

Величие же русского народа, по Чичерину, заключалось в том, что он вопреки самым неблагоприятным обстоятельствам создал могучее государство и в лице своего господствующего класса понял необходимость просвещения. Но поскольку русская жизнь самостоятельно не могла породить его, постольку пришлось прибегнуть к заимствованию. Следствием просвещения господствующего класса стало его стремление к политической свободе. Народ же остался чужд просвещению и политической свободе. Отсюда неизбежный общественный разлад. "Сетовать на это безрассудно; укорять же высшие классы за то, что они отторглись от народа и заимствовали чужеземные идеалы, значит обвинять их в том, что в них развивается высшее сознание, в силу которого они являются носителями общечеловеческих начал, изменяющих условия народного быта".

Правомерность подобных действий образованного меньшинства Чичерин мотивировал также тем, что оно обеспечивает духовное развитие общества. Конечно, роль образованного меньшинства в этом велика. Но духовные ценности создаются не им одним, а всем народом. Разумеется, элита их развивает, совершенствует. Она вносит и чужие ценности, но они полезны только тогда, когда обогащают, а не разрушают национальную культуру.

Развивая свою аргументацию, Чичерин писал, что христианство тоже было переворотом, разрушившим народные обычаи и верования. Но лучшими представителями народности, подчеркивал он, являются не язычники, а христиане. Конечно, введение христианства возможно и через приноровление к народным обычаям, однако ученый был сторонником радикальной перемены. Он также утверждал, что не все христианские народы играют историческую роль, а только просвещенные. Конечно, продолжал Чичерин, оторваться от народной почвы нелегко. Но в этом состоит величие духовной природы человека, который "во имя идеала... способен решиться на такой подвиг... Несомненно, что "народность составляет один из самых могущественных рычагов всемирной истории, любовь к отечеству - одна из благороднейших пружин человеческой деятельности. Но есть другая любовь не менее высокая и святая... это любовь к истине".

Будучи весьма агрессивен по отношению к национальной идеологии и ее носителям, Чичерин выступал за бережное отношение к устаревшим учреждениям и даже народным предрассудкам. В этом нет противоречия. Поскольку идеология создается

образованным меньшинством, а ученый был убежден, что в конечном итоге народ и государство пойдут туда, куда оно их поведет, постольку ему было необходимо выиграть борьбу за умы этого меньшинства и в ней он не допускал компромиссов. Отсюда его нетерпимость по отношению к славянофилам, почвенникам и им подобным. Но по отношению к государственным структурам, народным обычаям, ученый советовал действовать осторожно, не торопясь чтобы не вызвать потрясений. Тем не менее, результатом этого процесса должна стать полная европеизация России равнозначная ликвидации национального самосознания. Разумеется, тогда капитализм восторжествовал бы в России, но вопреки расчетам Чичерина процветающей она не стала бы.

Главной особенностью русской цивилизации является приоритет духовного начала над материальным. Такой она стала в силу объективных условий, которые продолжают действовать и сейчас. Формы русской цивилизации менялись, но суть оставалась. Не чужда она была и заимствованиям. Но когда подвергался деформации ее краеугольный камень, то это вызывало тяжелейшие последствия. Замена же русской цивилизации капитализмом, основанном на противоположном начале в лучшем случае превратит Россию в захолустье Запада.

Безусловно, достижения капитализма, способные обогатить нашу страну необходимо использовать, помня, что национальная замкнутость ведет к застою. Но при этом Россия должна оставаться Россией. С позиции же сегодняшнего дня можно сказать, что у само ограничивающейся цивилизации, в основе которой лежит духовное начало, больше перспектив для дальнейшего развития, нежели чем у цивилизации, нацеленной на безудержный рост материальных благ».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1035290536557843>

КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.1.

«Влияние Маркса в современном мире представляет, можно сказать, самый колоссальный пример человеческой глупости, какой встречается в истории мысли. Объясняется это тем, что когда говорят страсти, разум молчит. И чем более нелепость облекается в туманные представления и прикрывается мнимо - научной фразеологией, в которой никто не в состоянии раскрыть настоящего смысла, тем легче выдавать их за глубокие истины и тем с большею жадностью они воспринимаются умами, не привыкшими связывать понятия. Когда рабочим твердят, что все материальные блага... суть их произведения, и что они лишены их только благодаря тому, что их... обирают капиталисты, и когда эта проповедь зависти и ненависти опутывается целым аппаратом учености, в котором они ровно ничего не смыслят, то как не поддаться такому искушению? Как орудие борьбы, учение Маркса незаменимо, и именно по своей полной бессмыслице»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин известен как непримиримый критик социализма. Его антисоциалистические высказывания содержатся в большинстве сочинений, но подробно и основательно они изложены в «Истории политических учений» (1869-1902). В этой работе освещена история социалистической мысли, при этом внимание уделено постановке общетеоретических проблем. Краткий анализ антисоциалистических взглядов Чичерина представлен в монографии Л.М. Искры «Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме». Приводим выдержки оттуда:

«"История политических учений" представляет собою громадный пятитомный труд. По словам Чичерина, изложенные в нем взгляды зародились еще в начале его научной деятельности. Над ним он работал в университете, а после отставки занимался им практически всю оставшуюся жизнь. Ученый справедливо гордился своим сочинением, подчеркивая, что подобного ему не было и в Европе. Высоко оценен чичеринский труд и советской наукой. В.Д. Зорькин назвал его одним из "самых выдающихся произведений буржуазной науки истории политических учений второй половины XIX в.". Тем не менее, отдавая должное эрудиции и таланту ученого, нельзя не сожалеть, что проанализировав политические трактаты даже малоизвестных европейских ученых, он обошел вниманием русских.

Историю социалистической мысли Чичерин начинал с Платона... В идеальном государстве Платона, писал Чичерин, специально воспитанные воины "живут в полном коммунизме", не имея ни частной собственности, ни жен, ни детей. Все у них общее, каждый должен думать и чувствовать одинаково. Следует заметить, что у Платона Чичерин находил не только коммунистические идеи, но и положения, во многом созвучные его убеждениям. В частности, приведя высказывания мыслителя о том, что неограниченная свобода, так же, как и деспотизм, подрывает самое себя, переходя в свою противоположность, и что политическая мудрость заключается в умеренности (монархия должна быть ограничена свободой граждан, демократия - усилением власти), Чичерин заключал, что эти мысли верны и для настоящего времени.

Назвав Платона предшественником социалистов XVI-XVIII вв., Чичерин проанализировал воззрения Т.Мора, Т.Кампанеллы, Г.Мабли, Морелли, Г.Бабефа, а также

приближенного им к социалистам И.Фихте. Ученый стремился доказать, что, во-первых, социализм находится в вопиющем противоречии с человеческой природой, во-вторых, несет установление невиданного в истории деспотизма, превосходящего своими масштабами все известные тирании, в-третьих, любая попытка осуществить на практике построения социалистического общества закончится неминуемым крахом, в-четвертых, все попытки утверждения социалистических общественных отношений не только не улучшат положения основной массы населения, но наоборот ввергнут народ в пучину бедствий.

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Б. Н. ЧИЧЕРИН

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Том 1

Издательство
Русской Христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2006

Многое в высказываниях Чичерина было справедливо. Грубая уравнительность, жесточайшая регламентация, стремление к ликвидации семьи и к подавлению личности - все это делало социалистические учения XVI-XVIII вв. не только ошибочными, но и зачастую бесчеловечными. Однако, указывая на это, Чичерин неоправданно игнорирует критику реальных пороков тогдашнего общества, содержащуюся в сочинениях теоретиков социализма. Знаменательно, что если к социалистам-утопистам, которые не были связаны с революционным движением, Чичерин относился с известной снисходительностью, видя в них искренних, но глубоко заблуждающихся и крайне односторонних людей, то социалистов, у которых теория была связана с практикой, он ненавидел. Доказывая, например, полную несостоятельность проектов Мабли, Чичерин находил их единственное достоинство в том, что они не предназначались для немедленного исполнения, а на первых порах предусматривали подготовительные меры. Поскольку Морелли готов был идти дальше Мабли, постольку неприязнь Чичерина к первому выражалась значительно сильнее. К Бабефу же и его соратникам, преисполненным желанием осуществить социалистические идеи на практике, отношение Чичерина было еще хуже.

Пытаясь вскрыть "источник заблуждения коммунистических теорий", Чичерин писал, что он заключается в стремлении обеспечить личное счастье каждого человека. Естественно, что при таком подходе нельзя удовлетвориться формально-юридическим равноправием. Между тем, указывал ученый, только от личных усилий человека, его способностей, обстоятельств, в которых он находится, наконец, от его назначения в обществе зависит, в какой степени он сможет воспользоваться своими правами. Отсюда естественное, фактическое неравенство, уничтожить которое можно только с помощью страшного деспотизма. Заканчивая свою мысль, Чичерин отмечал, что личная свобода не абсолютное начало в жизни. Она сама подчиняется высшему порядку, согласно которому место каждого человека определяется в соответствии с его назначением и способностями...

Анализируя социалистические учения XIX в. Чичерин сконцентрировал внимание на "государственном социализме" И.Родбертуса, А. Вагнера и др., на Ф.Лассале и К.Марксе. Хотя Маркса и Лассале Чичерин считал более серьезными противниками, нежели представителей "государственного социализма", но в своих работах он чаще упоминал последних. Видимо, большая уязвимость их построений побудила ученого использовать ее в критике социализма. В советской литературе Родбертуса и Вагнера рассматривали не

как социалистов, а как реакционеров и вульгарных экономистов. Вряд ли это суждение справедливо. Наследие же их нуждается в дополнительных, фундаментальных исследованиях. Оставим эту проблему специалистам.

Самым образованным и просвещенным социалистом Чичерин считал Лассаля, подчеркивая, что он погубил свой талант пропагандой социализма. Но пальму первенства Чичерин отдавал Марксу. Правда, признание приоритета последнего давалось в своеобразной форме: его теория была оценена Чичериным как наиболее опасная и вредная... Первое серьезное выступление Чичерина против Маркса относится еще к 1878 г. Собираясь опровергнуть Маркса и Лассаля в "Истории политических учений", Чичерин счел проблему настолько актуальной, что дважды публикует отрывки из своего незавершенного труда. Статьи выходят в "Сборнике государственных знаний" и повторяются в отдельной брошюре. Первоначальная критика Маркса была затем расширена и дополнена. Если для написания первой своей работы в качестве основного источника Чичерин использовал I том "Капитала", то в опубликованной в 1902 г. 5 части "Истории политических учений" он учел остальные тома, вышедшие под редакцией Ф.Энгельса.

По мнению Чичерина, Маркс ни по уму, ни по таланту, ни по эрудиции не сравним с Лассалем, но он "сделал то, о чем Лассаль только мечтал: он дал теоретическое построение социальной утопии. Книга его: "Капитал служит высшим выражением немецкого ученого социализма". Предприняв попытку опровергнуть экономическое учение Маркса, Чичерин выступил против его теории прибавочной стоимости, отрицал превращение при капитализме рабочей силы в товар, не соглашался с тем, что цена производства определяется общественно-необходимой работой, отрицал положение Маркса о договоре рабочего с капиталистом как о юридической фикции, прикрывающей реальную зависимость первого от второго и т.д. Ученый утверждал, что основные положения Маркса не содержат фактического доказательства, что вообще его учение базируется на бессмыслицах, в которые тем не менее поверили миллионы людей».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1036028463150717>

КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.2.

«Единственная последовательная социалистическая система состоит в присвоении государству всех орудий производства и в признании его общим руководителем всей промышленной деятельности народа»

Б.Н. Чичерин

Представляет интерес сравнительный анализ критики социалистических теорий, осуществленной Б.Н. Чичериным еще в XIX веке, и советской практики социализма. Попытка такого анализа представлена в работе Л.М. Искры «Борис Николаевич Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме». Автор показывает, что многие предсказания о социалистической практике, которые делал Чичерин, оправдались. Приводим выдержки из работы:

«Значительная часть социалистов, писал Чичерин, заявляют, что они не коммунисты, ибо социалистическое производство совместимо со свободой и собственностью, а отрицание этого является клеветой. На самом же деле и свобода, и собственность при социализме призраки. Бичуя капитализм за фактическое неравенство, продолжал ученый, социалисты берутся удовлетворить основные потребности всех и каждого. Но в связи с падением производства эта задача выполнима только на низком уровне. Нищенское же обеспечение и отсутствие стимулов к труду порождают необходимость принуждения.

Однако всемогущая социалистическая бюрократия бессильна удержать и этот уровень. Заложенное в человеке природой стремление к улучшению своего положения проявится и при социализме, но в уродливой форме. Каждый будет стремиться, как можно больше взять от общества и как можно меньше ему дать. "Чем недобросовестнее человек, тем легче это сделать. Тут в накладе будут не худшие, а лучшие элементы". Поскольку же единственный способ существенно улучшить свое положение заключается в переходе в чиновники, то туда устремится активная часть населения. В результате и без того раздутый государственный аппарат разрастется еще больше. И, наконец, если уделом народной массы будет нищенское равенство, то в ином положении будет монопольно правящая партия. Пользуясь бесконтрольным положением, она узурпирует богатства страны в свою пользу.

По нашему мнению, в суждениях Чичерина о социализме есть как подтвержденные, так и опровергнутые временем мысли. Действительно, последовательное проведение социалистического принципа предусматривает, на наш взгляд, ликвидацию частной собственности и огосударствление экономики, но установление вследствие этого казарменного социализма вовсе не обязательно. Чичерин думал иначе, однако опыт СССР этого не подтверждает. Попытки построения казарменного социализма предпринимались и, как это предсказывал ученый, быстро терпели крах. Но СССР просуществовал 74 года, был могучей державой, противостоящей напору мирового капитала. Его победа во 2 мировой войне, экономические, культурные и научные достижения были бы невозможны, если бы советский народ действительно находился в рабстве. Не было в нем и полного огосударствления хозяйства, а в ряде социалистических стран сохранился частный сектор. Предвидение же Чичерина о том, что при социализме власть окажется не у народа, а у монопольно правящей партии, оправдалось.

Ахиллесовой пятой социалистического хозяйства ученый правильно считал бюрократическое правление. Им было высказано немало справедливых суждений о нем. Но он преувеличил недостатки социалистической экономики и не мог предвидеть, что она имеет и достоинства. Так, осмеянное им планирование оказалось необходимо и капиталистическим странам, другое дело, что они сумели его рациональнее использовать, нежели мы. Верно полагая, что при социализме будут искусственно поддерживаться нерентабельные предприятия, а их работники получать те же блага, что и остальные, причем за их счет, он не учитывал, что в разумных пределах дотации необходимы. Они нужны и во имя социального мира и ради поддержания убыточных, но имеющих общенациональное значение предприятий и отраслей. Но, разумеется, нельзя содержать безнадежные хозяйства, а социальную помощь превращать в социальное иждивенчество.

По мнению Чичерина, единое общенародное хозяйство это социалистическое изобретение, к которому нельзя прийти в результате свободного экономического развития. Как видим, он недооценивал возможности хозяйственной интеграции. В наше время мы наблюдаем объединение экономики не одной, а многих капиталистических стран. Но ни это объединение, ни хозяйства, входящих в него стран не управляются бюрократически, а слагаются из относительно самостоятельных единиц, соединенных во имя взаимной выгоды. При этом имеет место и регулирование и жесткое подчинение младших партнеров, но все это осуществляется не бюрократическими, а экономическими мерами.

По Чичерину, при социализме рабочие фактически лишены права выбора труда. Распределение и перераспределение по отраслям осуществляется принудительно. "Рабочий имеет право требовать, чтобы ему давали работу, и притом на одинаковых с другими условиях; но какую работу ему дадут, это зависит от воли государства". Данное суждение является значительным преувеличением, хотя и не лишено основания. Вспомним добровольно-принудительные мобилизации в нашей стране или запрещение рабочим покидать фабрики, что имело место в годы гражданской войны, или требование милитаризации промышленности, выдвинутое Л.Д.Троцким. Все это, казалось бы, подтверждает мнение Чичерина о рабстве при социализме. Но подобные явления порождались не природой социализма, а экстремальными условиями, в которых находилась советская страна.

Чичерин думал, что социализм будет строиться непременно в соответствии с догмами, содержащимися в тех или иных теориях, и не учел, что жизнь заставит поступиться многими принципами. Именно приспособление социализма к национально-историческим традициям, необходимые заимствования из буржуазного арсенала придали ему устойчивость, обеспечив семидесятичетырехлетнее существование. В странах же, где социал-догматики оказывались у власти, социалистические революции заканчивались быстрым крахом, как, например, в советской Венгрии.

В свое время Чичерин потратил немало сил, пытаясь остановить социализм. Но ни надежда на религиозную проповедь, ни ставка на просвещение, ни ориентация на силу себя не оправдали. Поняв это, ученый пришел к выводу, что победа социалистической революции в одной из стран неизбежна. Но именно успех социалистов, предсказывал он,

обернется для них стратегическим поражением, ибо практика социалистического строительства предостережет остальные народы от следования по этому пути. Сегодня капитализм выглядит победителем. Но окончательно или временно его торжество, покажет будущее. Вместе с тем, если бы капитализм сохранил ту форму, за которую ратовал Чичерин, и не взял бы на вооружение, пусть и в измененном виде, те методы, которые ученый считал социалистическими, то его крах был бы неизбежен».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1037761622977401>

КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.3.

«Природа повсюду установила неравенство сил, свойств и положений, ибо только этим путем проявляется все бесконечное разнообразие жизни»

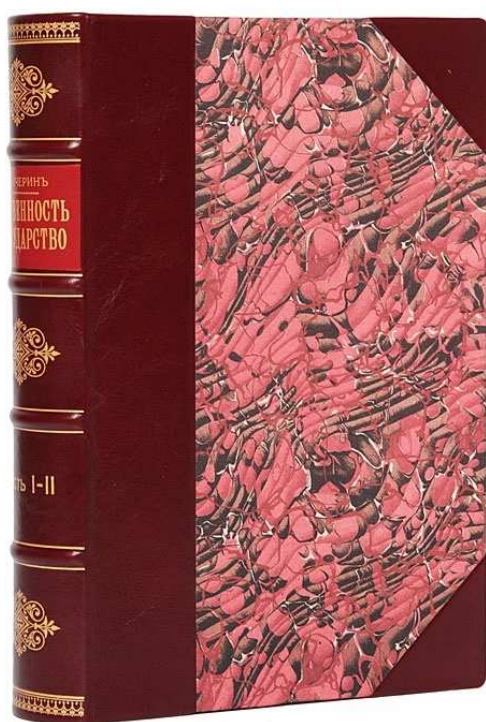
Б.Н. Чичерин

Критикуя социалистические теории, Б.Н. Чичерин формулирует в работе «Собственность и государство» (1882) тезис о естественности неравенства. По его мнению, социалисты ошибаются, отождествляя формальное равенство и материальное равенство. Если формальное равенство, или равенство перед законом, составляет требование свободы, то материальное равенство, или равенство состояний, противоречит свободе. Как свободное существо, всякий человек, одинаково с другими, является независимым источником деятельности; но так как материальные и умственные силы и способности людей, их наклонности, их положения, наконец те условия и обстоятельства, среди которых они действуют, неравны, то и результаты их деятельности не могут быть одинаковы. Согласно Чичерину, свобода необходимо ведет к неравенству. Отсюда ясно, что уничтожить неравенство можно только подавивши самую свободу, из которой оно истекает, искоренивши в человеке самостоятельный центр жизни и деятельности, и превративши его в орудие общественной власти, которая, налагая на всех общую мерку, может, конечно, установить общее равенство, но равенство не свободы, а рабства. Именно это, по мнению Чичерина, произойдет в результате реализации социалистических теорий на практике. О законе естественного неравенства он пишет следующее:

«От этого мирового закона не изъят и человек. И он поставлен природою в бесконечно разнообразные условия, которыми определяется все его существование. Одни рождаются под полярными льдами, другие под знойным солнцем экватора, третьи в благословенном климате, где господствует вечная весна. Одни почти даром получают все от природы; другие каждую пядь своей почвы должны завоевывать упорным трудом. Одни окружающими их пустынями как бы отрезаны от остального человечества; другие пользуются всеми выгодами естественных сообщений, доставляющих и удобства жизни и возможность высшего развития. К этому присоединяется различие рас. Есть расы как бы привилегированные и предназначенные стоять во главе человечества, и другие, по видимому, неспособные подняться на сколько-нибудь высокий уровень образования. Сгладится ли когда-нибудь это различие, достигнет ли когда-нибудь человечество такого состояния, в котором все расы будут стоять на одинаковой высоте духовного развития, мы не знаем. Но в течение всей прошедшей истории это различие составляет коренной закон человеческой жизни, и целые племена вымирают при соприкосновении с высшею цивилизациею. Наконец, такое же различие существует и между личными силами и способностями, с которыми человек является на свет. Один появляется сильным и здоровым, другой хилым и слабым. То же самое имеет место относительно умственных способностей. Утверждать, что все люди, по природе, одинаково способны и что различия происходят единственно от развития и воспитания, можно только отвернувши глаза от действительности. Мы знаем, что рождаются гении, рождаются и идиоты. Между этими двумя крайностями лежит целая лестница, с бесконечным разнообразием оттенков.»

Дары природы не на всех сыплются одинаково, не распределяются между всеми поровну, но следуя мировому закону, проявляются в бесчисленных оттенках и степенях, осуществляя в жизни все то разнообразие и все те крайности, какие совместны с внутреннею природою существ. К этим обусловленным природою различиям в человеке

присоединяются другие, проистекающие из особенностей человеческого естества. Человек в своей деятельности не отправляется чисто от самого себя; он не начинает с ничего. Все человеческое развитие основано на том, что каждое поколение продолжает работу своих отцов. Точку отправления для него составляет полученное от них достояние, которое оно, в свою очередь, умножает своим трудом, с тем, чтобы передать его своим наследникам. Не для всех эта точка отправления одинакова. Кто больше приобрел, тот больше передаст своим детям. Отсюда новый источник неравенства, которое иногда увеличивает, а иногда умеряет естественное неравенство способностей. В силу этого начала люди рождаются не только умными или глупыми, сильными или слабыми, здоровыми или больными, но и богатыми или бедными, знатными или темными, с условиями дальнейшего образования или с препятствиями высшему развитию. И это различие унаследованного достояния имеет значение не только для отдельных лиц, но и для целых народов, из которых одни пользуются всеми выгодами накопленной веками цивилизации, а другие коснеют в первобытном состоянии.

Совместно ли такое неравное распределение жизненных благ с требованиями справедливости? За что один от рождения получает все преимущества, а другой ничего? За то же, за что один рождается под полюсом, а другой под экватором, один черным, а другой белым, один умным, а другой глупым, один здоровым, а другой больным. Религиозный человек видит в этом волю Провидения, которое каждому определяет его место на земле, сообразно с его назначением в настоящем и будущем мире. Эта вера служит человеку поддержкою в жизни и утешением в постигающих его невзгодах. Истинная философия подтверждает этот взгляд, ибо и она, в силу необходимых требований разума, приводит человека к познанию всемогущего, премудрого и всеблагого Существа, управляющего миром и располагающего человеческою судьбою. Те же, которые не признают ни религии, ни философии, должны довольствоваться тем, что

неравенство положений есть мировой закон, от которого человек столь же мало изъят, как и все остальные существа...

Справедливость требует, чтобы каждому воздавалось свое. Она возмутилась бы, напротив, если бы неравные лица были подведены под равную мерку, если бы во имя отвлеченного равенства мы стали отнимать у одних, чтобы давать другим. Она возмутилась бы, если бы мы стали калечить здорового, потому что существуют увечные, безобразить красивого, потому что есть уроды, лишать образования умного, потому что глупые не в состоянии учиться, отнимать наследство у богатого, потому что другому отец ничего не оставил. Человеческие законы, вытекающие из самой природы человека, нисколько не требуют к себе меньшего уважения, нежели законы естественные. Посягательство на те и другие одинаково составляет нарушение справедливости. Конечно, человек более властен над теми законами, которые осуществляются через посредство его сознания. Но если он волен отнимать наследство у богатого, то ничто не мешает ему отрезывать ноги у здоровых, обливать серною кислотою лица красивых, или наконец сдавливать череп у всех новорожденных, с тем

чтобы низвести их на одинаковую степень умственного отупения. Будет ли все это согласно с требованиями справедливости?

Закон неравного распределения сил, способностей и жизненных благ не налагает, однако, на человека неизменной и неизгладимой печати, которая вечно приковывала бы его к одному и тому же месту, в естественном порядке или в общественной иерархии. Неравенство преимуществ, приобретаемых рождением, не есть роковое определение, от которого бы он не мог отрешиться. То, что человек получает от рождения, составляет для него только исходную точку; все дальнейшее движение зависит от собственной его деятельности. Как свободное существо, он может оторваться от родившей его почвы, создать себе новые условия жизни, подняться на высшую ступень. В этом отношении он сам в значительной степени является создателем своей судьбы. Но как бы он ни был свободен, он все-таки в значительной степени зависит и от своей исходной точки, и от обстоятельств, которыми он окружен, а еще более от вечных законов, управляющих человеческою жизнью и человеческим развитием. Свобода не состоит в том, чтобы произвольно сочинять себе жизненные планы и исполнять их по своему усмотрению. Действовать с успехом, нарушая законы человеческого общежития, столь же мало возможно, как построить машину, не соображаясь с законами механики. Конечно, подобную машину построить можно; но она не пойдет. Точно так же можно сочинить и какое угодно общество, но оно разрушится...

История человечества показывает, каким образом лежащее в глубине духа разнообразие элементов производит бесконечное разнообразие в положениях людей. В первобытном состоянии все люди более или менее носят на себе одинаковый тип. Тут господствуют одни естественные различия, как то: мужа и жены, отца и детей; между общественными классами нет еще резкой противоположности. Но как скоро начинается историческое движение, так неизбежно водворяется общественное неравенство. Высшие классы выделяются из общей массы; является противоположность высших и низших. Иначе и быть не может, ибо образование первоначально составляет достояние немногих, и только мало-помалу, медленным историческим процессом и в бесконечной постепенности, оно распространяется на остальных. Вследствие этого высшее сознание всегда является достоянием меньшинства, которое этим самым выделяется из толпы и становится особняком. Начало развития производит как бы брожение в однородной массе; различные, заключающиеся в ней элементы отделяются и обособляются; одни всплывают наверх, другие опускаются вниз. На вершине водворяется уже новая жизнь, пока низшие слои остаются погруженными в безразличное состояние».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1038400862913477>

КРИТИКА СОЦИАЛИЗМА. Ч.4.

«Обычная тема социалистов, будто рабочему принадлежит большее право на производство, нежели то, что он получает в виде заработной платы, противоречит коренному юридическому правилу, на котором зиждутся все договоры в мире и без которого всякие сделки становятся невозможными»

Б.Н. Чичерин

В четвертой главе своей монографии «Собственность и государство» (1882) Б.Н. Чичерин разбирает вопросы, связанные с договорным правом, выделяя отдельный пункт для критики социалистических теорий, в частности тезиса о том, что капиталист присваивает результаты труда рабочего. Чичерин полагает, что формулировка социалистов неправомерна, поскольку взаимоотношения капиталиста и рабочего регулируются договором, а в рамках любого договора права каждого из договаривающихся лиц ограничиваются правами другой стороны. Призывы социалистов к принудительному отчуждению имущества и собственности у капиталистов является грубейшим нарушением договорного права, и это возможно, согласно Чичерину, лишь при деспотическом строе. Русский мыслитель пишет:

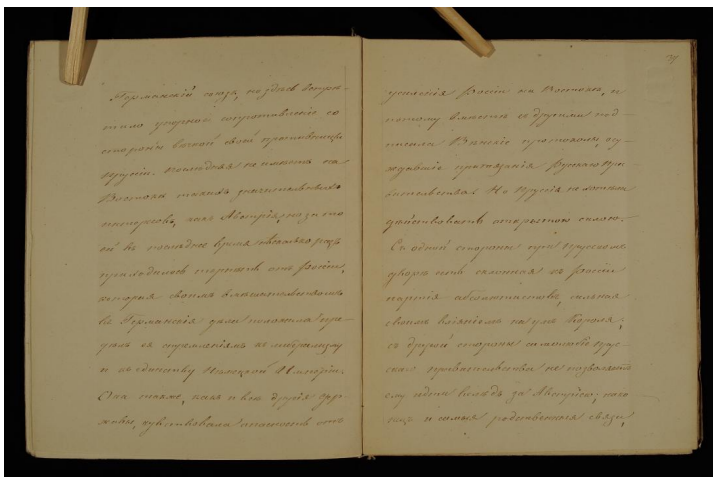
«Внешним границам договора соответствуют внутренние. В пределах законного соглашения права каждого из договаривающихся лиц ограничиваются правами другой стороны. Поэтому никто, в силу договора, не получает более права, нежели то, которое дается ему обоюдным соглашением. Договор, как уже было сказано выше, составляет закон для обеих сторон; толкуется же этот закон на основании воли договаривающихся лиц.

Отсюда ясно, что обычная тема социалистов, будто рабочему принадлежит большее право на производство, нежели то, что он получает в виде заработной платы, противоречит коренному юридическому правилу, на котором зиждутся все договоры в мире и без которого всякие сделки становятся невозможными. Работник имеет право единственно на то, что он себе выговорил; он продал свой труд, или свое участие в производстве, за добровольно установленную плату. Большее никакое право не может ему дать.

Точно так же неуместен вопрос: почему, если труд составляет основание собственности, произведения труда принадлежат не тем, кто их производит? Просто потому что одни их продали, а другие купили. Кто продал, тот целиком уступил свое право на вещь и получил взамен ее цену, определяемую опять же обоюдным соглашением. Покупщик, уплативши цену, становится на место первоначального обладателя. Вследствие этого машиною пользуется не тот, кто ее делал, а тот, кто ее купил. Все протекающие из нее выгоды принадлежат последнему, а не первому. Если цена была положена слишком низкая, то на это была воля продавца; он может пенять только сам на себя. Удивительно, что такие элементарные правила приходится повторять; но что делать, если аргументация социалистов идет вразрез с самыми элементарными и всеми признанными человеческими понятиями?

Наконец, в силу того же начала, совершенно несправедливо мнение, будто фермер получает какое бы то ни было право на обрабатываемую им землю. Фермер нанимает землю по добровольному соглашению, а потому имеет только право пользования в пределах этого соглашения. Закон может предоставить ему право требовать

возмещения сделанных им затрат: это справедливо, ибо он издержал свое, а не чужое. И тут однако следует поступать с крайнею осторожностью, ибо легко можно нарушить права хозяина. Во всяком случае, закон должен предшествовать соглашению и войти в него как условие сделки, а не прилагаться к сделкам уже совершенным. Но далее этого закон идти не может, не посягая на право собственности и не разрушая самых оснований договорного права. Если бы правительство вздумало дать фермерам или работникам право выкупать, обязательно для владельца, обрабатываемые ими земли, оно вступило бы на путь социализма. Юридически подобной меры оправдать нельзя.

Это правило не прилагается однако к выкупу земель крепостными крестьянами при их освобождении. Тут возникает вопрос совершенно иного рода. Крепостные отношения установились не в силу добровольного соглашения, с сохранением свободы обеих сторон, а в силу закона, который одному лицу предоставлял власть над другим. Разрушая эти вековые отношения, закон может признать

несогласным ни с справедливостью, ни с государственною пользою дарование крестьянам одной свободы, без всякого права на ту землю, которую они принудительно обрабатывали в течение веков. Компромисс между правами собственника и правами крепостных поселенцев заключается в обязательном для помещика выкупе известной части земли по справедливой оценке. Это не только юридический, но и политический акт, которым знаменуется переход от рабства к свободе. Этот переход может быть более или менее продолжителен; тут могут быть шаги вперед и назад. Но как скоро это совершилось и обе стороны уравнены в правах, так обоюдные отношения могут определяться единственно свободным договором и ничем другим; это - безусловное требование права.

В свободном обществе, при равенстве лиц перед законом, даровать нанимателям право выкупа нанимаемых ими земель значит обирать одних в пользу других и обращать договор в чистую ловушку. Никакое правомерное правительство, при нормальном порядке вещей, не может решиться на такой шаг. Провозглашать подобный принцип может только социалистический деспотизм. Но с водворением социалистического деспотизма наступает конец всякой гражданственности, а вместе и свободе человека...

Все что колеблет собственность, подрывает самые основы гражданского порядка, политические революции далеко не имеют такого значения. Они касаются только вершины, оставляя ненарушимыми все бесчисленные нити, связывающие людей в их частных отношениях. Но как скоро дело касается собственности, так все колеблется, так человек не может уже быть уверенным ни в чем, так он чувствует, что посягают на весь его личный мир, на его свободу, на его деятельность, на его семью, на все, что ему дорого, на его прошедшее и будущее. Разлагаются первоначальные элементы общественного быта; все бесчисленные отношения, связывающие людей, разом порываются. Оттого общество трепещет за самое свое существование, как скоро поднимается такого рода вопрос.

Из этого можно видеть, какой страшный вред приносят социалистические учения, подрывающие основания собственности. Понятно еще, что фанатики, шарлатаны, кривотолки, софисты, взывая к страстям народных масс, стараются увлечь их за собою. Но когда так называемые социалисты кафедры, ученые люди, назначенные правительством профессора университетов, проповедают такие учения или слабодушно вступают с ними в компромиссы, внося смуту в умы, колебля самые твердые и неоспоримые начала общественного быта, то это указывает уже на глубокое умственное растление современного общества. Нужна вся ветреность, отличающая умственное движение нашего времени, чтобы сделалось возможным такого рода явление. Но если современная наука оказывается бессильною против явных софизмов, то жизнь всегда будет представлять им самый надежный отпор. Гражданский порядок весь зиждется на праве собственности и без него обойтись не может. Поэтому он всегда противопоставит крепкий оплот всякого рода софистическим теориям и разрушительным стремлениям. За будущность человеческих обществ нечего опасаться: они в своем движении управляются высшими, разумными законами; они идут вперед, а не назад. Софистика же, несмотря на всю свою ярость, никогда не достигнет цели, ибо она разрушается собственным внутренним противоречием».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1039054306181466>

ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.1.

«Наше поколение пережило эпоху величайшего перелома в русской истории. Мы видели конец быта, построенного на крепостном праве, мы были деятелями или свидетелями великих преобразований, разрушивших до корня старый порядок и положивших начало новому общественному строю, основанному на всеобщей гражданской свободе; нам довелось, наконец, видеть воочию ближайшие плоды этих преобразований, плоды, которые на первых порах вместе с радостями принесли нам, может быть еще более горя. Сколько пламенных надежд, сколько благородных стремлений и как мало настоящее соответствует ожиданиям!»

Б.Н. Чичерин

Б.Н. Чичерин приступил к написанию мемуаров в начале 1890-х гг. и закончил работу в 1896 году. Обширный труд был издан в 4-х томах, и в нем отражены основные этапы жизни и творчества мыслителя. Приводим выдержки из раздела, посвященного студенческой жизни Чичерина (конец 1840-х гг.):

«В то время, когда я вступил в Московский университет, он находился в самой цветущей поре своего существования. Все окружающие его условия, и наверху и внизу, сложились в таком счастливом сочетании, как никогда в России не бывало прежде и как, может быть, никогда уже не будет впоследствии.»

Министерством народного просвещения управлял тогда граф Уваров, единственный, можно сказать, из всего длинного ряда следовавших друг за другом министров, с самого начала нынешнего века, который заслуживал это название и достоин был занимать это место. Уваров был человек истинно просвещенный, с широким умом, с разносторонним образованием, какими бывали только вельможи времен Александра I, Он любил и вполне понимал вверенное ему дело. Управляя народным просвещением в течение 15 лет, он старался возвести его на ту высоту, на какую возможно было поставить его при тогдашнем направлении правительства. Сам он глубоко интересовался преподаванием. Когда он осенью 1848 года, незадолго до отставки, приехал в свое великолепное имение Поречье, где у него была и редкая библиотека и драгоценный музей, он пригласил туда несколько профессоров Московского университета, между прочим Грановского, и самое приятное для него препровождение времени состояло в том, что он просил их читать лекции в его маленьком обществе. Перед тем он был в Московском университете и заставлял даже студентов читать пробные лекции в его присутствии. К сожалению, я этого не видел и не мог участвовать в этих чтениях, ибо в ту пору мы не возвратились еще из деревни. Высокому и просвещенному уму графа Уварова не соответствовал характер, который был далеко не стойкий, часто мелочной, податливый на личные отношения. Государя он боялся как огня; один из его приближенных рассказывал мне, что его трясла лихорадка всякий раз, как приходилось являться к царю с докладом. Но тем более делает ему чести, что он всячески старался отстоять русское просвещение от суровых требований монарха. Он сам говорил Грановскому, что, управляя министерством, он находился в положении человека, который, убегая от дикого зверя, бросает ему одну за другой все части своей одежды, чтобы чем-нибудь его занять, и рад, что сам, по крайней мере, остался цел. При реакции, наступившей в 49 году, бросать уже было нечего, и Уваров вышел в отставку.

Ниже по уму, но гораздо выше по характеру был тогдашний попечитель Московского университета, граф Сергей Григорьевич Строганов, незабвенное имя которого связано с лучшими воспоминаниями московской университетской жизни. Время его попечительства было как бы лучом света среди долгой ночи. С Уваровым он был не в ладах, потому что не уважал его характера; но сам он занимал такое высокое положение и в обществе и при дворе, что мог считаться почти самостоятельным правителем вверенного ему округа. Впоследствии я близко знал этого человека и мог вполне оценить его редкие качества. При невысоком природном уме, при далеко недостаточном образовании, в нем ярко выступала отличительная черта людей Александровского времени, – горячая любовь к просвещению. Самые разнообразные умственные интересы составляли его насущную пищу. Страстно преданный своему отечеству, свято сохраняя уважение к верховной власти, он никогда не стремился к почестям и презирал все жизненные мелочи. Любя тихую семейную жизнь, он высшее наслаждение находил в постоянном чтении серьезных книг и в разговорах с просвещенными людьми...

Управляя Московским учебным округом, он постоянно посещал гимназии и университет, внимательно слушал самые разнородные уроки и лекции, и при том всегда без малейшего церемониала. Никто его не встречал и не провожал, и мы часто видели, как он среди толпы студентов, никем не сопровождаемый, направлялся в аудиторию, опираясь на свою палку и слегка прихрамывая на свою сломанную ногу. В аудитории он садился рядом со студентами на боковую скамейку и после лекции разговаривал о прочтенном с профессором. Вообще он церемоний терпеть не мог и в частной жизни был чрезвычайно обходителен с людьми, которых жаловал. Зато, если кто ему не нравился или если что-нибудь было не по нем, он обрывал с резкостью старого вельможи, иногда даже совершенно незаслуженно и некстати, ибо он в чужие обстоятельства никогда не входил и вообще мало что делал для людей, имея всегда в виду только пользу дела. Вследствие этого многие, имевшие с ним сношения, его не любили. В особенности не жаловали его славянофилы, которых он, со своей стороны, весьма недолюбливал, видя в них только праздных болтунов. Погодин и Шевырев жаловались иногда на притеснения. Но вообще среди всех людей, причастных к университету, и профессоров и студентов, он пользовался благоговейным уважением. Когда он вышел в отставку, ему поднесен был альбом по общей подписке между студентами; мы все вписали в него свои имена. И во все последующие годы, когда при новом царствовании началось ежегодное празднование 12 января, дня основания Московского университета, все собранные на обед старые студенты всегда считали своей первой обязанностью послать телеграмму графу Сергею Григорьевичу Строганову в знак сохранившейся в их сердцах признательности за вечно памятное его управление Московским университетом.

При нем университет весь обновился свежими силами. Все старое, запоздалое, рутинное устранилось. Главное внимание просвещенного попечителя было устремлено на то, чтобы кафедры были замещены людьми с знанием и талантом. Он отыскивал их всюду, и в Москве, и в Петербурге, куда он ездил с целью приобрести для университета подававших надежды молодых людей. Он послал Грановского за границу, а Евгения Корша перевел библиотекарем в Москву. При нем вернулись из Германии посланные уже

прежде Редкин, Крылов, Крюков, Чивилев, Иноземцев, а затем постепенно вступили на кафедры Кавелин, Соловьев, Кудрявцев, Леонтьев, Буслаев, Катков. Из-за границы молодые люди возвращались в Россию, воодушевленные любовью к науке, полные сил и надежд.

В то время и европейская наука находилась в самой цветущей поре своего развития. В период политического затишья между Венским Конгрессом и переворотами 1848 года умы в Европе были главным образом устремлены на решение теоретических вопросов, особенно в Германии, куда ездили учиться молодые русские. Германская наука царила тогда над умами и давала им пищу, которая могла удовлетворять все потребности. В то время не было еще одностороннего господства реализма, который принижает мысль, закрывая перед ней всякие отдаленные горизонты и заставляя ее превратно смотреть на высшие и лучшие стороны человеческого духа. Философское одушевление было еще в полном разгаре. В этой области господствовал гегелизм, увлекавший и старых и молодых. С другой стороны, в борьбу с ним вступала историческая школа, в лице знаменитейших юристов: Эйхгорна, Пухта, Савиньи. На поприще филологии и древностей подвизались такие люди, как Вильгельм Гумбольдт, Бекк, братья Гримм, основатели новой науки. Историческую кафедру в Берлине занимал уже тогда знаменитый, на днях только умерший Ранке. В то же время и во Франции историческая школа выступила с небывалым блеском в лице Гизо, Тьерри, Тьера, Минье, Мишле. Все соединялось к тому, чтобы предвещать человечеству новую и великолепную будущность. В каком-то поэтическом упоении знанием и мыслью возвращались молодые люди в отечество и сообщали слушателям одушевлявшие их идеалы, указывая им высшие цели для деятельности, зароня в сердца их неутолимую жажду истины и пламенную любовь к свободе. Один Грановский мог быть славой и красой любого университета. Его поэтическая личность, его яркий талант, его высокий нравственный строй делали его самым видным представителем этой блестящей эпохи университетской жизни».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1039775932775970>

ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.2.

«Московский университет сделался центром всего умственного движения в России. Это был яркий свет, распространявший лучи свои повсюду, на который обращены были все взоры»

Б.Н. Чичерин

Представляют интерес воспоминания Б.Н. Чичерина о Московском университете и об атмосфере, царившей там в конце 1840-х гг. Приводим выдержки из его мемуаров:

«Первый курс был составлен отлично. Редкин читал юридическую энциклопедию, Кавелин – историю русского права, Грановский – всеобщую историю, Шевырев – словесность. Университетский священник Терновский читал богословие, которое в то время требовалось строго. Наконец, ко всему этому прибавлялся латинский язык, который преподавал лектор Фабрициус, хороший латинист, но не умевший заинтересовать студентов. Поэтому никто почти его не слушал: студенты позволяли себе даже разные ребяческие выходки, и курс был совершенно бесполезен. От немецкого языка, который читался на том же курсе, мы были избавлены, потому что на экзамене получили по 5.

На первых шагах, однако, меня постигло некоторое разочарование. Одним из важнейших предметов на курсе была юридическая энциклопедия. Редкин пользовался большой репутацией; в ожидании первой лекции аудитория была битком набита студентами. Наконец, явился профессор, уселся на кафедре и громовым голосом воскликнул: "Зачем вы собрались здесь в таком множестве?" Это был приступ к лекции, в которой в напыщенной форме говорилось, что студенты пришли в университет искать правды, которая есть начало права. Масса была увлечена и неистово рукоплескала. Но я остался холоден; мне эта напыщенная форма не понравилась. Столь же мало я был удовлетворен и следующими лекциями. Я искал живого содержания, а мне давали формальное и пространное изложение общих требований науки. Но когда я, составив лекции, показал их отцу, он остался ими очень доволен и сказал, что для молодых умов подобная умственная дисциплина весьма полезна. Думаю, что он был прав. Я сам, чем более слушал профессора, тем более ценил достоинство его курса, несмотря на довольно существенные недостатки его преподавания...

Если преподавание Редкина, при весьма существенных достоинствах, имело и свои слабые стороны, то курс Кавелина не оставлял ничего желать. Он был превосходен во всех отношениях, и по форме и по содержанию. Кавелин имел весьма скудное теоретическое образование, и по свойствам своего ума он всего менее был способен к пониманию вопросов с философской стороны. Когда он впоследствии стал заниматься философией, то Редкин удивлялся, как он берется за предмет, столь противный его натуре, и если он в этом отношении достиг, по крайней мере, умения связать в одно целое чисто отвлеченные понятия, то это доказывает только необыкновенную даровитость этого замечательного человека. Но в изложении истории русского права никаких теоретических понятий не требовалось. В университетском курсе ступеньвалось даже то начало, которое составляет слабую сторону его знаменитой статьи, появившейся в первой книжке "Современника" 1847 года, начало развития личности в древней русской истории. В основание своего курса Кавелин полагал изучение источников, не внося в них никакой предвзятой мысли. Он брал факты, как они представлялись его живому и впечатлительному уму, излагал их в непрерывной

последовательности, со свойственной ему ясностью и мастерством, не ограничиваясь общими очерками, а постоянно следя за памятниками, указывая на них и уча студентов ими пользоваться. Перед нами разворачивалась стройная картина всего развития русской общественной жизни: вначале родовой быт, на который прямо указывает летописец и который проявлялся и в обычаях, и в родовой мести, и в отношениях князей; затем разложение этого начала дружинным, выступление личности, постепенное развитие государства и, наконец, завершение всего этого исторического процесса деятельностью Петра Великого, который, воспользовавшись государственным материалом, подготовленным московскими царями, вдвинул Россию в среду европейских держав, тем самым исполняя великое ее историческое назначение.

Как далек был этот здравый, трезвый и последовательный взгляд на русскую историю от всех бредней славянофилов, которые, страстно изучая русскую старину, ничего не видели в ней, кроме собственных своих фантазий! Константин Аксаков объявлял родовой быт поклопом на русскую историю и вопреки очевидности утверждал, что у летописца род означает семью и что все встречающиеся в истории черты родового быта вовсе не славянские, а пришлые, варяжские. Петр Васильевич Киреевский и даже более трезвый, ибо более знакомый с источниками, Погодин видели в языческих славянах какой-то образец невозмутимой добродетели и умилялись над тем смиренномудрием, с которым они безропотно покорялись варяжским завоевателям. Как неизмеримо высоко стояло умное, живое, ярко даровитое преподавание Кавелина и от следовавшего за ним после короткого промежутка курса Беляева, который при полном невежестве и при полной бездарности не умел даже понимать изучаемые им грамоты, а постоянно восполнял и извращал их собственными дикими измышлениями! Замечательно, что в одно и то же время два человека, не сталкивавшиеся между собой, без всяких взаимных сношений, Кавелин и Соловьев, пришли к одному и тому же правильному взгляду на русскую историю и сделали основателями новой русской историографии...

Если Редкин мог дать толчок философскому мышлению, если у Кавелина можно было научиться основательному изучению истории русского права по памятникам старины, то широкое историческое понимание можно было получить только от Грановского. Сами Кавелин и Соловьев от него научились правильно смотреть на историю, ибо они были его слушателями. Можно без преувеличения сказать, что Грановский был идеалом профессора истории. Он не был архивным тружеником, кропотливым исследователем фактов, да это вовсе и не требовалось в России в тогдешнее время. В русской истории необходимо было прежде всего тщательное изучение памятников, ибо тут было совершенно невозделанное поле, и все приходилось перерабатывать вновь. Но для всеобщей истории нужно было совершенно иное: надобно было познакомить слушателей со смыслом исторических событий, с общим ходом человечества в его поступательном движении, с теми идеями, которые развиваются в истории. Конечно, для этого необходимо было вполне овладеть материалом; иначе строилось здание на воздухе. Но исторический материал Грановский усвоил себе с самой тщательной добросовестностью. Когда представляют его человеком, хватающим верхушки и своим талантом восполняющим недостаток знания, и еще более когда изображают его каким-то лентяем, читающим лекции, спустя рукава, то можно только удивляться пошлости людей, высказывающих подобные суждения. Грановский

был чтец первоклассный и неутомимый. Не только литература громадного предмета была коротко ему знакома, но всякий памятник, имеющий существенное значение для изучаемого периода, был им внимательно просмотрен, всякая даже мелкая брошюра была им основательно прочитана, и он тотчас мог указать, что в ней есть дельного. Он изучал даже памятники эпох, о которых ему никогда не приходилось читать лекции. Помню, как он однажды с грустью говорил моей матери: "Вот каково наше положение: я прочел 50 томов речей и документов, касающихся Французской революции, а между тем знаю, что не только не придется написать об этом ни единой строки, но нельзя заикнуться об этом и на кафедре"».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1040329589387271>

ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.3.

«Весьма немногим, вкусившим плодов науки, удастся сохранить неприкосновенными свои религиозные убеждения, и надобно сказать, что это сопровождается всегда некоторой узкостью взгляда. Надобно пройти через период безверия, чтобы вполне понять, что может дать одна наука и чем нужно ее восполнить для удовлетворения высших потребностей человеческой природы»

Б.Н. Чичерин

В автобиографии «Воспоминания» Б.Н. Чичерин описывает становление собственного мировоззрения в университетские годы. Этот фрагмент крайне интересен, поскольку в нем отражен типичный для того времени пример отхода от веры, вызванный отторжением, которое вызывали курсы по христианской догматике. Чичерин пишет об одном из таких курсов, который преподавался в конце 1840-х гг. в Московском университете:

«Я должен сказать о том весьма важном для моей внутренней жизни значении, которое имел для меня не в положительном, а в отрицательном смысле слушанный в университете курс богословия. Очевидно, что если требуется читать в университете богословие, то надобно устремить главное внимание на ученую критику и стараться доказать, что она не в состоянии поколебать существенных основ христианства. Сделать это может только человек вполне просвещенный, знакомый с европейской наукой и с философией. Между тем читавшийся тогда в университете курс был самый сухой и рутинный, какой только можно представить. Всякое догматическое положение подкреплялось множеством текстов, после чего преподаватель замечал, что то же самое подтверждается и разумом, в доказательство чего приводилось несколько совершенно младенческих соображений, которые только вызывали опровержения. Самая личность профессора, университетского священника Петра Матвеевича Терновского, не внушала никакого сочувствия. Он имел строгий вид, говорил в нос, своими маленькими хитрыми глазками беспрестанно осматривал аудиторию, замечая, кто ходит на лекции, а иногда делал резкие выговоры студентам. Я очень усердно следил за курсом и знал его отлично. Когда на экзамен опять приехал митрополит и меня, в числе некоторых других, вызвали вне очереди, я так хорошо отвечал на попавшийся мне весьма трудный билет, что Филарет сделал мне комплимент, а Терновский поставил мне пять с крестом, дело в университете неслыханное. Но результатом этого изучения было то, что я внутри себя к каждому вопросу относился критически, и скоро все мое религиозное здание разлетелось в прах; от моей младенческой веры не осталось ничего.

Знакомство с европейской литературой и в особенности с ученой критикой могло только подкрепить зародившийся во мне скептический взгляд. Одно уже чтение "Всемирной истории" Шлоссера показывало мне предмет совершенно в ином свете, нежели в каком я привык смотреть на него с детства. Еще более я утвердился в своих новых убеждениях, когда прочел разбор библейских памятников Эвальда в его "Истории еврейского народа", и на все это наложило окончательную печать чтение Штрауса. К тому же вело, с другой стороны, и изучение философии, которому я вскоре предался. Передо мною открылось совершенно новое мировоззрение, в котором верховное начало бытия представилось не в виде личного божества, извне управляющего созданным им миром, а в виде внутреннего бесконечного духа, присущего Вселенной. И, хотя в своей философии истории Гегель признавал христианство высшей ступенью в развитии

человечества, однако это меня не убеждало, и я отвергал подобное построение как непоследовательность.

Молодой человек, вступающий в университет, обыкновенно находится в этом положении. Здесь он в первый раз знакомится с наукой, которая имеет свои самостоятельные начала, которая ничего не принимает на веру и все подвергает строгой критике разума. Вместо господствующей в младенческие годы первобытной гармонии разума и веры перед ним открываются две противоположные области, между собой не примиренные. Он вполне понимает, что религия не может иметь притязания на то, чтобы наука слепо ей подчинялась. Пример славянофилов показывал мне, к какому извращению научной истины ведет насильственное подчинение ее религии. Но наука, со своей стороны, следуя собственным началам, развиваясь самостоятельно, не указывала мне путей примирения. Она раскрывала историческое, а не догматическое значение христианства. И это происходило не от какой-либо односторонности или недостатка преподавания. При данных условиях такая постановка вопроса совершенно неизбежна. Примирение всех высших областей человеческого духа составляет верховную цель развития, а не принадлежность каждой превосходящей ступени.

Пока не выработались в ясной для всех форме непреложные начала истины, к выяснению которых стремится все развитие человеческого разума, каждому лицу приходится примирять противоположности по-своему, испытывая умом весь доступный ему материал и следуя указаниям своей совести. Весьма немногим, вкушившим плодов науки, удастся сохранить неприкосновенными свои религиозные убеждения, и надобно сказать, что это сопровождается всегда некоторой узкостью взгляда. Надобно пройти через период безверия, чтобы вполне понять, что может дать одна наука и чем нужно ее восполнить для удовлетворения высших потребностей человеческой природы. Только собственным внутренним опытом можно понять смысл отступления от установленных догматов и правил; только этим путем можно выработать в себе истинную терпимость и приучиться не смешивать безверия с безнравственностью; наконец, только прошедши через отрицание, можно вполне сознательно возвратиться к религиозным началам и усвоить их с тою шириною понимания, которая способна совместить в себе требования разума и стремления веры. Впоследствии я к этому и пришел, убедившись по собственному внутреннему опыту в глубоком смысле изречения великого мыслителя: "Немного философии отвращает от религии, более глубокая философия возвращает к религии"...

Мне предстоял выбор между двумя видами убеждений, религиозными и научными, и я со свойственной юношам решимостью и уверенностью в собственных силах, сбросил с себя все свои вынесенные из младенческих лет верования, как устарелый балласт, и смело вступил на путь чисто научного познания, доводя отрицание до крайности, со всем пылом неопита. Я даже с Грановским вел спор о будущей жизни. Он говорил, что никогда так не чувствовал потребности загробного существования, как на могиле друга, когда невольно думаешь: "Неужели эти останки для тебя все равно, что эта бутылка?" Но я все это отвергал как фантазии и утверждал, что совершенно достаточно одних воспоминаний.

До чего доходила моя юношеская самонадеянность, можно видеть из памятного мне разговора с Магзигом. Однажды мы вместе с ним гуляли по караульскому парку, который он разбивал. Вдруг, среди разговора, он остановился и сказал мне: "А знаете ли, Борис Николаевич, какая это высокая мысль: у меня есть покровитель!" Я немедленно отвечал ему: "Такая же высокая мысль: у меня нет покровителя; я стою на своих ногах и опираясь только на себя". Боже мой! как скоро жизнь научает человека, что он сам по себе не более как прах, который может быть снесен всяким случайным дуновением ветра, и убеждает его, что одна только надежда на высшую помощь дает ему силы для совершения своего земного пути! Нельзя, однако, не сказать, что это сознание юной мощи имеет в себе что-то увлекательное. Борз говорил, что он невысокого мнения о человеке, который не был республиканцем в двадцать лет и который остался республиканцем в сорок. Почти то же можно приложить и к религиозным убеждениям. Человеку по крайней мере нашего времени естественно быть неверующим в молодости и снова сделаться верующим в зрелых годах».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1042117842541779>

ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.4.

«В Николае I воплотилось старое русское самодержавие во всей своей чистоте и во всей своей неприглядной крайности»

Б.Н. Чичерин

Представляют интерес рассуждения Б.Н. Чичерина о личности Николая I и о периоде его правления. Чичерин подробно описывает эту эпоху в своих мемуарах. Приводим выдержки оттуда:

«В Николае I воплотилось старое русское самодержавие во всей своей чистоте и во всей своей неприглядной крайности. Внешнее впечатление он производил громадное. В нем было что-то величавое и даже обаятельное. Он чувствовал себя безграничным владыкою многих миллионов людей, избранным богом главою великого народа, имеющего высокое призвание на земле. Он знал, что единое его слово, единое мановение может двигать массы; он знал, что по прихоти своей воли он может каждого из этих многих миллионов возвеличить перед всеми или повергнуть в ничто. Это гордое чувство силы и власти отражалось на всем его существовании. Самая его высокая и красивая фигура носила на себе печать величия. Он и говорить умел, как монарх. Действие на приближающихся к нему часто бывало неотразимое. Всякий чувствовал, что он видит перед собою царя, предводителя народов.

Но под этим внешним величием и блеском скрывалась мелкая душа. Он был деспот и по натуре, и по привычке, деспот в полном смысле слова. Он не терпел никакой независимости и ненавидел всякое превосходство. Даже внешняя красота оскорбляла его в других. Он терпеть не мог совершенно безобидного Монго-Столыпина за то, что он слыл первым красавцем в Петербурге. Он один должен был быть все во всем. В каждой отрасли и сфере он считал себя знатоком и призванным руководителем. Никто ни в чем не должен был с ним соперничать, и все должны были перед ним преклоняться и трепетать. И эта непомерная гордыня, это самопревознесение не знающей границ власти не смягчались, как у Людовика XVI, приобретенными в образованной среде привычками утонченной вежливости. Они соединялись с чисто солдатскими ухватками и проявлялись над беззащитными людьми во всей своей грубости и наглости. Он, как зверь, обрушивался иногда на несчастного юношу, который стоял или смотрел не так, как требовалось его идеалом солдатской выправки. Я слышал об этом самые удивительные рассказы очевидцев. В нем не было и смягчающего необузданные порывы власти милосердия или жалости. Ни в чем не повинные или виновные лишь в юношеском легкомыслии молодые люди в течение многих лет подвергались самым суровым наказаниям. Вся жизнь их беспощадно комкалась и ломалась. Декабристов он гнал до конца, не выпуская их из ссылки и не позволяя им даже воспитывать своих детей в России. Батенькова он тридцать лет без всякого повода держал в одиночном заключении.

Однако, когда он хотел, он умел быть приятным и даже обворожительным. Чувство власти не исключало в нем лицемерия, когда оно требовалось для его целей. С иностранцами он кокетничал, стараясь выказываться перед ними вовсе не таким, каким он был на деле. Он кокетничал перед Гумбольдтом; он кокетничал перед Мурчисоном, который называл его "мой коронованный друг". В действительности же ему не было ни малейшего дела ни до науки, ни до образования, которые он в России старался подавить, насколько позволяло приличие...

Николай терпел вокруг себя только людей, искушенных в придворной лестии, или совершенные ничтожества. В начале своего царствования он был еще несколько разборчивее. Он вступил на престол при смутных обстоятельствах, а между тем хотел прославиться и перед Европою играть роль просвещенного монарха. От своего предшественника он получил целую фалангу людей, если не с высокими характерами, то умных и образованных. Он ценил их, старался сделать их покорными орудиями своей воли, в чем нетрудно было успеть; они составили славу его царствования. Но чем более он привыкал к власти и исполнялся чувством своего величия, тем более он окружал себя раболепным ничтожеством. Когда Вронченко заявил ему, что не чувствует себя способным быть министром финансов, Николай отвечал: "Я буду министр финансов". Причина милости, которой удостоился Вронченко, выясняется анекдотом, ходившим в то время в обществе. В ожидании выхода государя несколько министров разговаривали между собою, и Вронченко нюхал табак. В эту минуту, как государь вошел, у него между пальцами была щепоть, и он, опустив руку, стал понемногу выпускать табак на пол. Меньшиков, заметив это, улыбнулся; но государь резко сказал, что подданному делает честь, если он боится своего государя. Немудрено, что в верховных правительственных сферах, а также в окружающем двор высшем аристократическом обществе произошло громадное умственное и нравственное понижение. Чтобы убедиться в этом, стоит сравнить людей, которых Николай получил от своего предшественника, и тех, которых он передал своему преемнику. Когда пришлось приступить к реформам, среди сановников не оказалось ни одного, который был бы в состоянии руководить делом. На сцену выступили второстепенные деятели, проникнутые либеральным духом и скрывавшиеся прежде в тени.

Такое же понижение произошло и во всех сферах администрации. При всей безграничности своей власти Николай не умел провести даже той реформы, которая ближе всего лежала у него к сердцу, – освобождение крестьян. Он чувствовал, что Россия не может оставаться при том необузданном помещичьем праве, которое в то время господствовало у нас. Он любил безграничную власть, но в своих, а не в чужих руках; а тут было соперничество; все, что отдавалось помещику, отнималось у правительства. Но русского дворянства он опасался, а потому не решался принять сколько-нибудь действительные меры. Под конец вопрос совершенно замолк.

В последние годы царствования деспотизм достиг самых крайних размеров, и гнет сделался совершенно невыносим. Всякий независимый голос умолк; университеты были скручены; печать была подавлена; о просвещении никто уже не думал. В официальных кружках водворилось безграничное раболепство, а внизу накопалась затаенная злоба. Все, по-видимому, повиновалось беспрекословно; все ходило по струнке. Цель монарха была достигнута; идеал восточного деспотизма водворился в русской земле.

И вдруг все это столь сурово оберегаемое здание оказалось гнилым в самом основании. При первом внешнем толчке обнаружилась та внутренняя порча, которая подтачивала его со всех концов. Администрация оказалась никуда не годной, казнокрадство было повсеместное. Положиться было не на кого; везде царствовала неспособность. Даже армия, любимое детище царя, лишена была самых необходимых для действий орудий, и все доблести русского солдата тратились напрасно в неравной

борьбе. В то время, как для забавы императора вводились ружья, которые на маневрах в одно мгновение производили известный звук, ружья, служащие для настоящей стрельбы, были совершенно негодны. Все было устремлено на одну внешность, а о существе дела никто не заботился. И вот одна за другой стали приходить страшные вести. Презираемый враг вступил на русскую землю, осаждал первоклассную крепость; знаменитый черноморский флот погиб; все попытки отразить неприятеля кончались поражением.

Николай этого не вынес. Он разом свалился, и с ним вместе рухнул и весь державшийся им строй. Для России наступала новая пора, которая вслед за радужными надеждами должна была принести свои скорби и свои разочарования, но уже иные, нежели прежде. Прошлое было похоронено навеки. Вместе с царской колесницей оно двигалось в Петропавловский собор».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1042820452471518>

ВОСПОМИНАНИЯ. Ч.5.

«Сам человек, своею личною волею, не в состоянии себя обновить. Нужна высшая духовная власть, которая, проникая в тайны человеческого сердца, сказала бы ему: "прощаются тебе грехи твои" и благословила бы его на новый путь»

Б.Н. Чичерин

В своих «Воспоминаниях» Б.Н. Чичерин предстает разносторонней и противоречивой личностью. Это хорошо показано в статье Н.Н. Алексеева «Религиозно-философские идеи и личность Б.Н. Чичерина в свете его воспоминаний». Приводим выдержки оттуда:

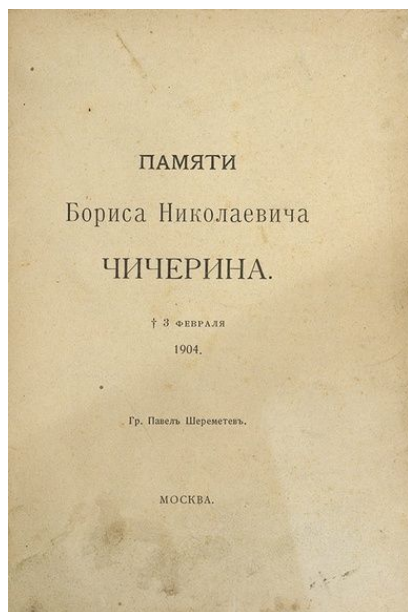
«Воспоминания эти глубоко интересны не только по историческому материалу, который они содержат, но и по рассыпанным в них отдельным идеям и мыслям. Когда читаешь эти воспоминания и сравниваешь их с сухими, проникнутыми своеобразной схоластикой философскими трактатами Чичерина, невольно задаешься вопросом, способствует ли усвоение какой либо философской системы проявлению истинных философских интуиций, или, наоборот, только мешает. Чичерин был, как известно, гегельянцем и схемы гегельянской диалектики лежат в основе всех его научно-философских построений. Сличая некоторые мысли, высказанные в Воспоминаниях, с философскими произведениями Чичерина, невольно приходишь к выводу о существовании как бы двух чичеринских «философий», — одной книжной, надуманной, гегельянской, другой — жизненной, непосредственной, созданной на основе собственного внутреннего опыта.

Между этими «философиями» есть, конечно, некоторое внутреннее природное сходство, но их разделяют в то же время глубокие различия. Конечно, каждый человек выбирает себе философию по своему духовному складу, и не случайно, что Чичерин выбрал себе Гегеля; однако не способствовал ли этот выбор тому, что «распорядительный ум», под влиянием гегелевской системы, еще более приобрел в распорядительности и утерял в способности непосредственной жизненной интуиции. Так можно поставить общий вопрос о роли готовой системы в философии и о влиянии ее на способность философского созерцания...

Начиная с проблемы религиозно-метафизической, интересно отметить, что, несмотря на вышеупомянутая свойства своего ума и на особенности своих философских творений, Б. Н. Чичерин, как личность был настоящим философом, в философском призвании которого едва ли можно сомневаться. Тот, кто встречал Чичерина лично, и знал его не только по книжным плодам, — от того не укрывались философские тайники его души. Вот что однажды написал Чичерину Л. Н. Толстой, которого Б. Н. хорошо знал, был с ним «на ты» и считал человеком искренним, но сумасбродным и «игнофантом». «Здравствуй, милый друг. Ты, я думаю, злился и уже перезлился, так что письмо это застанет тебя равнодушным... Теперь в эти минуты я весь в тебе, и отдал бы все скирды, сложенные моими трудами, за вечер с тобою. Хочется опять умственных волнений и восторгов... Хочется слушать тебя, разгадывать, даром мгновенно ловить, трудом выработанную мысль, усваивать ее, цеплять одну за другую и строить миры, новые, громадные, с одной целью: любоваться на их величие. Ты, верно понимаешь, что я хочу сказать». Как видно, он был способен к тому, что составляет извечную стихию философии — к философскому платоническому диалогу. И нам приходилось слышать от

очевидцев, он преобладал в этом диалоге, давил своей логикой, поражал своей всесторонней ученостью...

Данный Чичерину природой ум сделал его сухим, высокомерным, самоуверенным. Читая его воспоминания, поражаешься его резким, презрительным суждениям о людях. За исключением некоторых людей своего круга, и своего образования — остальные все ничтожества и пошляки. Более всего, по-видимому, Чичерин уважал своего учителя Грановского, который, по собственному признанию Чичерина, оказал на него огромное влияние. «Грановского, пишет Чичерин, я полюбил всей душой, и память о нем осталась одним из лучших воспоминаний моей жизни». С уважением отзывается он о московских людях 40-х годов, более о западниках, чем о славянофилах, так же как о некоторых своих московских сослуживцах, о Рачинском, С. М. Соловьеве, Бредихине, Бабсте и некоторых других. Остальные все — и в частности более молодое поколение, к которому принадлежал, например, Коркунов — это уже сплошное убожество. Замечательно, что подобное высокомерие Б. Н. Чичерин практиковал, не стесняясь положением, чинами, и рангами. Любопытный эпизод передает сам Чичерин из своего путешествия по Европе, в качестве преподавателя наследника. В Фридрихсгафене, возвращаясь с придворной дамой с приема от вюртембергского короля, Чичерин стал излагать ей свои впечатления от беседы с этим последним. Придворная дама в ответ сообщила Чичерину, что он понравился королю, но не удержалась, чтобы не заметить Чичерину о способе его вести разговоры с высокопоставленными лицами: «Вы слушаете, — сказала она — с таким высокомерным видом, как будто все, что вам говорят, не стоит внимания». Можно представить, как беседовал Чичерин с обыкновенными людьми, если он так говорил с королями.

Когда взираешь на такие гордые характеры, невольно приходят на ум вещи слова: «смирись гордый человек». И, оказывается, у Б. Н. Чичерина были в жизни моменты такого смирения, когда душа его вдруг обнаружила совсем другие черты, когда он встает перед нами как бы другим человеком. Случилось это в те страшные дни болезни, во Флоренции. Вот как описывает он нам дни своего выздоровления: «Пробуждение к жизни имело ни с чем несравнимую прелесть. Физические страдания исчезли; в душе водворилось какое-то ясное, безмятежное, почти райское состояние. Всякая мелочь казалась мне полной чарующей поэзией. Когда в первый раз мне отдернули занавеску, и показали свет, я не мог оторвать своих глаз от пошлых обоев комнаты, где я лежал... Когда затем открыли окно, окутав меня с головы до ног фланелью, и в комнату вдруг ворвался весь городской шум, голоса людей, стук экипажей, блеск бушующего под окном Арно, мне казалось, что я нахожусь в каком-то волшебном мире, где раздаются райские звуки. В окно как будто влетало все обаяние бытия... Но еще более, нежели вещи, радовали меня люди. Каждый человек, который приходил меня навестить, представлялся мне ангелом, посланным с небес; я любил его всем сердцем и приветствовал его, как давно желанного друга. В те дни, как свидетельствует сделанное замечательное описание, исчезло презрение к людям, взгляд на них как на низшестоящих ничтожеств и пошляков. Человек и мир предстал во всем «обаянии бытия».

Но, что самое главное, в эти дни Чичерину пришла мысль, которая, в сущности, в пыль и прах разбивала все его основные установки по отношению к человеческой

личности. В те дни он осознал, «что сам человек, своею личною волею, не в состоянии себя обновить. Нужна высшая духовная власть, которая, проникая в тайны человеческого сердца, сказала бы ему: «прощаются тебе грехи твои» и благословила бы его на новый путь. Сколь непохоже это на гегельянскую личность, как орган имманентного ей абсолютного Разума. И как это далеко от формулы: «у меня нет покровителя; я стою на своих ногах и опираюсь только на себя».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1043400662413497>

ВОСПОМИНАНИЯ СТРУВЕ

«В руках консерваторов-рутинистов существующий порядок обречен на падение... Насилие производит раздражение или равнодушие. Только мысль, созревшая в самом человеке, дает ту силу воли, то самообладание, которые необходимы для разумной деятельности. Поэтому в настоящее время в том положении, в котором находится Россия, дело первостепенной важности – возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания. Если эта энергия появится не только в правительстве, но и в самом народе, Россия может без опасения глядеть на свое будущее»

Б.Н. Чичерин (1862 г.)

Представляют интерес воспоминания П.Б. Струве о Б.Н. Чичерине. Они даны в статье Струве «Б. Н. Чичерин и его место в русской образованности и общественности» (1929). Приводим выдержки оттуда:

«Б. Н. Чичерин был современником четырех царствований: Николая I, Александра II, Александра III и Николая II. Он был ученый и общественный деятель; профессор Московского университета и городской голова города Москвы; историк и юрист; философ и обществовед. Его учено-литературная производительность была громадна. Труды Б. Н. Чичерина составляют целую библиотеку, его «История политических учений» до сих пор в мировой научной литературе – единственное, столь монументальное и столь многообъемлющее в своей области произведение. Как мыслитель Б. Н. с изумительной энергией выполнял предположенную им философскую задачу. Для ее довершения он уже в преклонные годы посвятил несколько лет занятию высшей математикой и естествознанием, оставив и в этой области следы своей работы в виде нескольких специальных статей, предназначенных служить к подтверждению его философских взглядов. Столь законченного и разностороннего применения гегелевских начал не может указать и немецкая философская литература...

Человек, созревший в крупную силу в конце 40-х и начале 50-х годов, Б. Н. Чичерин по университету – ученик прежде и больше всего Т. Н. Грановского, прочувствованной хвалой которому, производящей до сих пор сильнейшее впечатление, заканчивается вступительная лекция Чичерина в Московском университете.

Старшими соратниками и учителями по университету Чичерина – так же как и Бестужева-Рюмина – были К. Д. Кавелин, Н. В. Калачев, П. Г. Редкин и С. М. Соловьев.

Но Чичерин, как умственная величина, связан личным влиянием и соотношением и с людьми последующих поколений. Правда, в публицистике, т. е. журналистике, конца 50-х и 60-х гг. он был едва ли не одинок. Но в науке и философии ему и тогда и позже суждено было оказывать значительное влияние. Ближайшим учеником и соратником Чичерина был известный историк Московского университета, которого мне недавно пришлось вспоминать в нашей среде в связи с чествованием памяти великого французского мыслителя, критика и историка Ипполита Тэна. Я говорю о Владимире Ивановиче Герье. Он моложе Чичерина на 9 лет. Вдвоем Чичерин и Герье написали

остроумный и основательный полемический трактат против народническо-экономических идей кн. А. И. Васильчикова, защитника и пропагандиста общины.

Личным знакомством и общением Чичерин был связан с Владимиром С. Соловьевым, который был на 25 лет его моложе, и с еще более молодыми мыслителями, кн. Сергеем и Евгением Николаевичами Трубецкими...

В лице Пав. Ив. Новгородцева, который был на 38 лет моложе Чичерина, последний протягивал руку своему отдаленному преемнику по юридическому факультету. С другой стороны, по гегелианству продолжателем Чичерина явился в наше время еще более молодой преподаватель Московского университета и доктор государственного права того же университета, автор едва ли не лучшей философской монографии о Гегеле Иван Александрович Ильин.

Наконец, позвольте одно личное воспоминание и признание. Последним представителем русской «радикальной» публицистики, скрестившим ипаги с «либеральным консерватором» Чичериным, был ваш покорнейший слуга. Это было сделано в статье, появившейся в 1897 г. и до сих пор являющейся едва ли не единственным опытом исторической оценки Чичерина как публициста и политика» («Чичерин и его обращение к прошлому» в «Новом Слове» за 1897 г. Перепечатано в сборнике моих статей «На разные темы», Спб., 1902, стр. 84 – 120. В настоящем изложении я широко пользуюсь материалом этой статьи). В своем дальнейшем развитии я, полемизировавший с Чичериним «марксист» (никогда, правда, не бывший правоверным, а, наоборот, всегда являвшийся еретиком в марксизме), пришел в своих собственных путях к общественно-политическому мировоззрению, близкому ко взглядам покойного московского ученого...

В эпоху великих реформ, в конце 50-х и начале 60-х годов, Чичерин поместился на крайнем правом фланге прогрессивного течения русской жизни. Он был тогда гораздо «правее» М. Н. Каткова, резко полемизируя в «Нашем Времени» Н. Ф. Павлова с «Современной Летописью» – катковского «Русского Вестника». Он смело выступил

*против Герцена в его же «Колоколе», выступил тогда, когда общественное мнение было за Герцена, и в этой полемике Чичерина с Герценом было гораздо больше идейного содержания, чем в позднейшей борьбе Каткова с издателем «Колокола»... Консервативный либерализм Чичерина, чуждый и народнической сентиментальности Кавелина (у Кавелина было сильнейшее отталкивание от Чичерина, которого он в своих письмах презрительно называл «квадратной головой», но, конечно, Чичерин и умственный силой, и знаниями неизмеримо превосходил Кавелина), и позднейших мнимо консервативных крайностей Каткова, не имел ни тогда, ни позже никакого успеха ни в правящих сферах, ни в общественном мнении. Правда, в Петербурге в 60-х годах в бюрократических кругах иногда превозносили московского государствоведа, называя его *le grand* (великий, выдающийся, фр.)...*

В царствование Александра II Чичерин совершенно определенно в интереснейшей рукописной записке, подлинник которой в начале XX в. я держал в своих руках, категорически высказался в пользу русско-польского примирения и никогда не одобрял антипольской политики русского правительства. В таком же духе гораздо позже он выступил с критикой и осуждением антифинляндской политики царствования Александра III и Николая II.

В эпоху Лорис-Меликова Чичерин составил записку, в которой рекомендовал власти конституционную реформу. К этому же сводится и основной смысл его с присущим ему блеском написанного произведения «Россия накануне 20-го столетия», изданного на рубеже этого столетия в Берлине и явившегося как бы политическим завещанием знаменитого русского государствоведа.

Вообще историческую позицию Чичерина можно изобразить так: поскольку он верил в реформаторскую роль исторической власти, т. е. в эпоху великих реформ, в 50-х и 60-х годах, Чичерин выступал как либеральный консерватор, решительно борясь с крайностями либерального и радикального общественного мнения. Поскольку же власть стала упорствовать в реакции, Чичерин выступал как консервативный либерал против реакционной власти, в интересах государства отстаивая либеральные начала, защищая уже осуществленные либеральные реформы и требуя в царствование Александра III и, особенно энергично и последовательно, в царствование Николая II коренного преобразования нашего государственного строя.

Таким образом, Чичерин в своем духовно-общественном делании никогда не переставал неразрывно сочетать консерватизм и либерализм, являя в этом отношении самую законченную и яркую фигуру в истории духовного и политического развития России».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1044101409010089>

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛАВЯНОФИЛАХ

«Они возносились на недостижимую высоту, с которой они в безграничном самоуслаждении презрительно смотрели на гниющий западный мир и на жалких поклонников этой отживающей свой век цивилизации. И патриотизм, и религиозное чувство, и народное самолюбие, и личное тщеславие, все тут удовлетворялось»

Б.Н. Чичерин о славянофилах

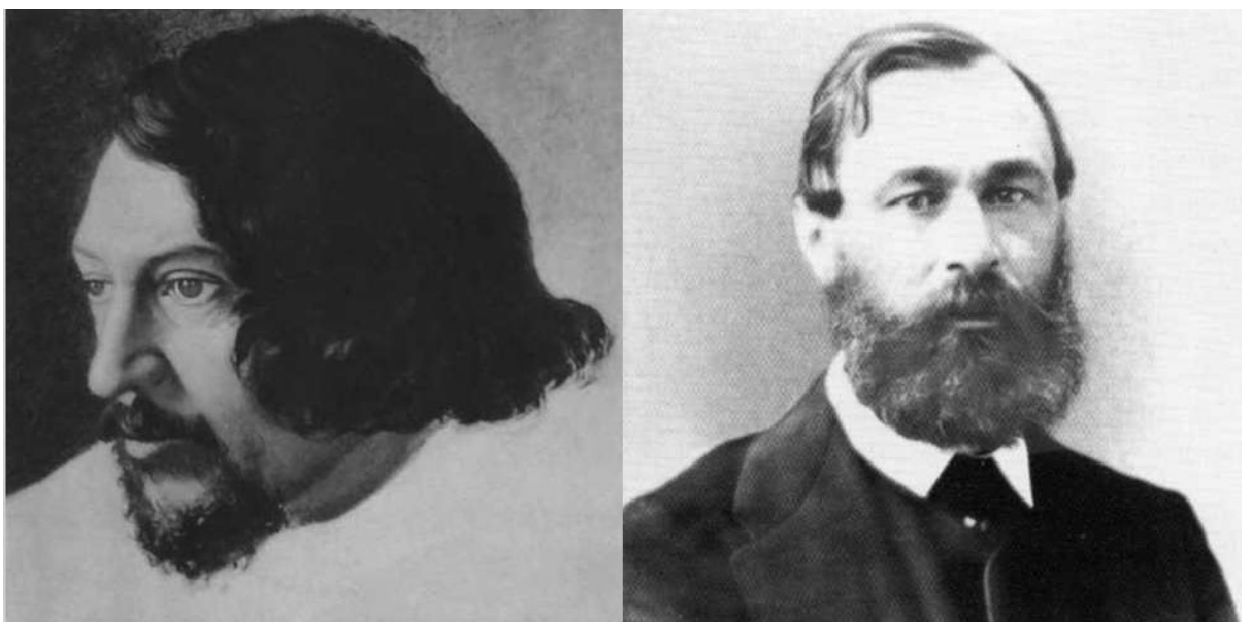
Представляют интерес воспоминания Б.Н. Чичерина о кружке славянофилов и об А.С. Хомякове. Приводим выдержки из его мемуаров:

«Хомяков был истинным главою партии. У него были все нужные для того свойства: определенность мысли, удивительная находчивость и изворотливость, дар слова, способность убеждать и притягивать к себе людей, а вместе и те отрицательные качества, которые нередко обеспечивают успех. Он представлял необыкновенное сочетание силы, ума и самой беззастенчивой софистики, глубины чувства и легкомысленного шарлатанства. Друзья его видели только первую сторону, хотя иногда с улыбкою признавали его слабости; враги же обращали внимание преимущественно на вторую. Потому о нем выражались самые противоположные суждения со стороны людей, близко его знавших. Настоящее лицо составлялось из обоих. В молодости он славился как поэт. Но стих его, всегда тщательно и изящно отделанный, был вообще холоден и безжизнен. Тургенев рассказывал, что однажды в споре с Аксаковым он утверждал, что у Хомякова нет даже искры поэтического дарования, и, взявши в руки книгу его стихотворений, доказал им, что все у него сочиненное, а не выливающееся из души, как у истинного поэта. Однако под старость у него в стихах выражалось иногда глубокое религиозное чувство, а также патриотическое одушевление, которое, в соединении с блеском образов, поднимало его до поэзии. Его скорбно-патриотические стихи по поводу Крымской кампании облетели всю Россию.

Но на старости лет Хомяков не пленялся уже славою поэта. Ему не только хотелось быть мыслителем и ученым, но он положительно считал себя всеведущим. Не было пустого и мелкого вопроса, о котором бы он не толковал с видом знатока. «Я специалист во всем»,— говорил бывший тамбовский губернский предводитель Никифоров; это изречение можно было вполне приложить к Хомякову. Книги он глотал, как пилюли. Его друзья говорили, что ему достаточно одной ночи, чтобы усвоить себе самое глубокомысленное сочинение. Разумеется, таково было и чтение. Когда пошли толки о гегелизме, Хомяков заперся на несколько дней с «Логикой» Гегеля и затем, вышедши из своего уединения, объявил, что он перегрыз четверик свищей. Однако он с этими свищами обращался очень ловко и осторожно. Он утверждал, что в «Логике» все так связано и выведено с такою последовательностью, что, признавши первое положение, тождество чистого бытия и небытия, все остальное вытекает из него необходимым образом. Коренная ошибка заключается именно в этом первом положении, далее которого Хомяков и не шел в своих бесконечных спорах о гегелизме. Также обходился он и со всем остальным. Он знал множество названий книг, из каждой схватывал что-нибудь на лету и из всего этого делал удивительный винегрет. В статье о русской художественной школе говорилось и о всеобщей истории, и о винокурении, и об укатывании зимних дорог. У него был рецепт на все, и все эти рецепты он соединял в общую микстуру, которая должна была служить к вящему возвеличению славянофильства. Однажды в каком-то журнале он напечатал подобный попури и в той же книжке поместил статейку о борзых собаках. Встретив Михаила

Александровича Дмитриева, он спросил его: «Что вы мне скажете о моей статье?» — «Да вот что,— отвечал остроязычный Дмитриев,— я все хотел у вас спросить: зачем это вы статью о борзых собаках поставили особо?». Хомяков добродушно рассмеялся.

Такое же разнообразие всякой всячины представлял и его разговор, необыкновенно блестящий и остроумный, то серьезный, то шуточный. Говорил он без умолку, спорить любил до страсти, начинал в гостиной и продолжал на улице. Про него рассказывали по этому поводу забавные анекдоты. Однажды после какого-то литературного вечера Герцен, который отличался теми же свойствами, сел в свой экипаж и продолжал шумный разговор с ехавшим с ним вместе приятелем. После него выходит Хомяков, зовет кучера: нет экипажа. Оказалось, что его кучер уехал порожняком за Герценом и после оправдывался так: «Слышу, кричат, спорят; ну, думаю, верно, барин! Я и поехал за ними».

Соперничая с Герценом в блеске и находчивости, Хомяков уступал ему в добросовестности, и это делало разговор его менее привлекательным. Без сомнения, в основных своих чувствах и мыслях он был вполне искренний человек, глубоко верующий, непоколебимый в своих убеждениях; это и давало ему возможность действовать на других, даже выходящих из ряду вон людей. Но в прениях вся его цель заключалась в том, чтобы какими бы то ни было средствами побить противника. Он прибегал ко всяким уловкам, извивался, как змея, иногда сам подшучивал над предметом своего поклонения, чтобы устранить удар и показать свое беспристрастное отношение к вопросу. Пламенный патриот, видевший в русском народе властителя будущего, провозвестника новых идей, он с усмешкой говорил, что русский человек не выдумал даже мышеловки. Иногда же, припертый к стене, он не брезгал ссылкой на ложные факты и фантастическими цитатами. Про него рассказывали, что однажды, встретившись с Цуриковым, который тоже занимался богословскими вопросами, он хотел поразить его цитатой какого-то несуществующего соборного постановления. Но Цуриков, который на этот счет сам был мастер, отвечал ему тем же, и они начали бомбардировать друг друга мнимыми постановлениями соборов, над чем сами после смеялись вместе с публикою.

Мне также случалось наткнуться на такого рода ссылки в спорах с Хомяковым, и это было даже одно из первых моих впечатлений при ближайшем знакомстве с ним. В 1855 году он приехал на несколько дней в Петербург, где я в то время находился. Тургенев

дал для него большой литературный вечер. Зашла речь об освобождении крестьян, и Хомяков стал разглазывать об общинном владении как об исконном, специально русском учреждении, разрешающем все мировые задачи. Я в то время занимался этим вопросом; древние грамоты были мне хорошо известны, и я начал доказывать, что в древней России не было ничего подобного. Встретив такой неожиданный отпор и видя, что на почве напечатанных актов он со мною не справится, Хомяков сослался на то, что у Киреевского есть какие-то неизданные документы, которые неопровержимо доказывают существование у нас общинного владения в древнейшие времена. Разумеется, никто этому не поверил, и Тургенев на следующий день пошел трубить об этом по городу. Сам Хомяков поспешил переменить разговор и стал доказывать, что наши инженеры не умеют защищать Севастополь. Он говорил, что писал даже об этом Сакену и послал ему описание изобретенных им снарядов для спуска пушек и для ночного освещения неприятельских траншей. Он воображал себя таким же специалистом в военном деле и в инженерном искусстве, как в философии, в употреблении барды и в борзых собаках.

Это энциклопедическое всеведение и эта неразборчивость в средствах происходили оттого, что Хомяков не был только убежденным человеком; он видел в себе предводителя партии, призванной изменить лицо мира. Его учение возносило его на высоту, с которой обозревалось настоящее, прошедшее и будущее. Никакая мелочь не должна была ускользать от его всевидящего ока, и все должно было служить торжеству славянофильской идеи. Нельзя было ни о чем с ним говорить, чтобы он тотчас не свернул на отношение славянофилов к западникам. Это была совершенная мания. Во всяком пустом вопросе, во всяком суждении о людях ему мерещилась коренная противоположность взглядов. Везде он видел темные интриги и каверзы, направленные против славянофилов. Он воображал, что общество их ненавидит, что бюрократия их преследует, а литература не имеет иной цели и иных стремлений, как их уничтожить. Мне случалось выражать удивление, что, вращаясь постоянно в противоположном лагере, я ничего не ведаю об этих кознях. «Это оттого, что вы стоите за редутом»,— отвечал Хомяков. Между тем мне было хорошо известно, что никакого редута тут не обреталось. Когда же появлялось что-нибудь выходящее из рядов славянофильской партии, хотя бы даже вовсе не замечательное, он предавался таким восторгам, что сами его друзья приходили в недоумение. Однажды при мне Ю. Ф. Самарин, с свойственною ему ирониею, рассказывал, как Хомяков хотел обратить его к поклонению Мадонне, написанной славянофилом Мамоновым, который, будучи студентом, славился своими карикатурами, и как Юрий Федорович решительно не в состоянии был постигнуть ее красоту. Павлов, который был приятель с Хомяковым, услышав об его восторгах, полетел его допрашивать: «Правда ли, что ты Мадонну Мамонова ставишь выше Сикстинской?» — «По идее выше»,— спокойно отвечал Хомяков».

В фейсбуке: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1044638348956395>